

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ
АРГЕНТИНА
ЛЕЙХТВЕЙС

Аргентина

Андрей Валентинов
Аргентина. Лейхтвейс

«Фолио»

2018

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр-Рос)

Валентинов А.

Аргентина. Лейхтвейс / А. Валентинов — «Фолио»,
2018 — (Аргентина)

ISBN 978-966-03-8143-8

...Европа 1937 год. Муссолини мечтает о Великой Латинской Империи. Рейх продолжает сотрудничать с государством Клеменцией и осваивает новые технологии. Диверсант Николас Таубе очень любит летать, а еще мечтает отомстить за отца, репрессированного красного командира. Он лучший из лучших, и ему намекают, что такой шанс скоро представится. Следующая командировка – в Россию. Сценарист Алессандро Скалетта ди Руффо отправляется в ссылку в Матеру. Ему предстоит освоиться в пещерном городе, где еще живы старинные традиции, предрассудки и призраки, и завершить начатый сценарий. Двое танцуют танго под облаками, шелестят шаги женщины в белом, отступать поздно. Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр-Рос)

ISBN 978-966-03-8143-8

© Валентинов А., 2018
© Фолио, 2018

Содержание

Маленький Дуче	6
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Андрей Валентинов
Аргентина: роман-эпопея. Кн. 5. Лейхтвейс

ISBN 978-966-03-8081-3 (Современ. остросюжет. проза).

ISBN 978-966-03-7900-8.

ISBN 978-966-03-8143-8 (кн. 5).

© А. Валентинов, 2018

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Маленький Дуче

Подражание Морису Карему

Железный шлем, эполеты вразлет —
Наш маленький Дуче идет на войну.
И войско с ним, и войско поет
Единой глоткою песню одну:

Giovinezza, Giovinezza,
Primavera di bellezza!

Фуражка на нос, на грудь – ордена.
Идут генералы, гроза и краса.
Нужна им победа, им слава нужна,
Так как же не грянуть на все голоса?

Giovinezza, Giovinezza,
Primavera di bellezza!

Шинели – рванина и дрянь – сапоги.
Зато винищем фляги полны.
Солдаты бодро чеканят шаги
И тоже поют, потому как должны:

Giovinezza, Giovinezza,
Primavera di bellezza!

По всей Европе набатом гремит,
«Италии – слава!» – горланит строй.
Наш маленький Дуче врагов победит,
Наш маленький Дуче – великий герой!

Giovinezza, Giovinezza,
Primavera di bellezza!

Спешит навстречу им вражья рать.
Пора давать супостатам ответ,
Решает Дуче битву начать.
Назад оглянулся, а войска-то нет!

Giovinezza, Giovinezza,
Primavera di bellezza!

Ржавые цепи, глубокий подвал.
От горя у Дуче болит голова.
Войну проиграл, что имел, потерял.
И песню не спеть – позабыл слова.

Чумба-чумба, чумба-чумба!
И еще раз – чумба-чумба!¹

¹ Время действия книги – лето 1937 года. «Аргентина» – произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с нам привычной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер.

Глава 1

Марсианин

Закат. – Улица мира. – «Трансваль, Трансваль, страна моя». – Словом, делом и кровью. – Атака. – Сансеполькрис. – Ночь и холод. – Царица Небесная. – Рейнские горы. – Большая Италия. – Ночной Орел

1

...В бездонном небе, где нет опоры, где не ухватишь рукою воздух, где только птицы дорогу знают, где пламенеет огонь заката, где тучи ходят неровным строем, где человеку не сыщешь места...

Он выпал из облака, зацепился взглядом за розовый краешек солнца и только тогда сжал правую руку в кулак – не слишком быстро, чтобы избежать рывка. Дальним привычным эхом отозвался страх. Вдруг не сработает, откажет? Шанс – один на миллион, но это будет его шанс, последний перед тем как земля ударит в грудь. Марсианский ранец, черный плоский блин за спиной, сделан не марсианами, обычными людьми, которым свойственно ошибаться. Облако лишь снаружи белое, внутри – серый мокрый туман, техника и вода не слишком дружат...

Легкий толчок. Тело, ударив в невидимую преграду, зависло в воздухе, разом потеряв вес, и он успокоился. Перчатка-гироскоп сработала, все штатно, даже исчезнувший страх. Ничего не поделаешь, человек в небе – чужак, здесь нет опоры, ее носишь с собой, за плечами.

...Настало время мечтам сбываться, парить над миром с богами вровень, забрать их силу, попрасть их гордость. Живущим кратко нет выше чести, и метеором ворвавшись в Вечность, навек остаться в сиянии славы...

Стекла очков заливала вода, и он поспешил достать из правого кармана платок. Протирал долго, успев вспомнить, чему его учили. Облака, даже самые невинные, белые, словно ангельское крыло, лучше обходить стороной: в безвидной серости потеряешь ориентацию, а заодно и вымокнешь, что никак не на пользу. Тучи, особенно темные грозовые – запретная зона. Туда хода нет...

Очки все равно остались мокрыми, но видеть он уже мог. Край облака, закат, горизонт, затянутый такими же белыми облаками. Земли не было, и тот, кто упал с неба, легко шевельнул правой перчаткой. Есть! Все, как в иллюминаторе, только ближе на километр. Река, два моста, один – с железнодорожной эстакадой, а по берегам неровные многоугольники жилых кварталов. На том, что ближе, улицы идут радиально, на дальнем же без всякого порядка, наискось. Юг – впереди, там, где темнеет еле различимая полоса леса, запад – закат! – справа... Потому и нарушил инструкции, не включив ранец сразу после того, как шагнул в отверстый боковой люк. Самолет доставил почти точно к месту, не хотелось терять лишние минуты. Ему надо налево, прочь от заката.

Человек прикрыл на миг глаза, вспоминая карту, и успокоился окончательно. Объект он теперь найдет, все прочее же не представляет сложности. Учили – и выучили. Он – самый лучший!

...Ворваться в небо – нет выше чести, подняться выше земного праха, окинуть взглядом простор бездонный. Летай иль ползай, конец известен, но сколь прекрасна судьба Икара!..

– Скромнее, мой Никодим! – посоветовала Смерть, незримо парившая рядом. – Ты – не лучший, в группе был лишь третьим. Первый и второй уже встретились со мной.

Третий лишь улыбнулся, неслышно двинув губами.

– Значит, они не лучшие. А зовут меня – Лейхтвейс. Запомни!

Смерть не стала спорить. Лейхтвейс? Пусть его! Все равно это не слишком надолго. Живущим под облаками не обещано долголетие.

– Ты тоже не вечна, – понял ее тот, кто обратился небо в твердь. – Разница лишь в сроках. Тебе успеет надоесть твоя работа, а мне – нет!

Смерть вновь промолчала. Ее слово все равно будет последним, когда она встретится с наглым мальчишкой лицом к лицу и взглянет прямо в глаза. А пока пусть делает свою – её – работу!

Лейхтвейс... Имя казалось легким и невесомым, словно клочок вечернего тумана. Лейхтвейс...

...Чужое имя, чужое небо, приказ получен, пристегнут ранец. Всесилен разум – венец творенья, он в поднебесье шагнуть позволил и обернулся крылатой птицей – не ради жизни, но Смерти ради...

Смерть по-прежнему была рядом, у самого плеча, но Лейхтвейс уже забыл о ней. Привычка! В небе они всегда вместе, такая уж у него служба. Мельком взглянул на часы, затем на компас, уточняя направление, и вновь вспомнил карту. Итак, Париж, Сена, берег левый, берег правый. Правый ему и нужен, за жилыми кварталами – Булонский лес, 16-й округ, ориентир – площадь Виктора Гюго. А прямо за нею – неровные квадраты Пасси: особняки, зеленые дворики, узкие улочки. До того, как стемнеет, он должен отыскать нужную.

Правая рука – вперед, ладонь в перчатке-гироскопе разжата. Легкий свист ветра в ушах. Послушная небесная твердь поддалась, уступая дорогу. Быстрее, быстрее, быстрее!..

...Крылатый демон лишен сомнений, пряма дорога, спокоен разум, он выше прочих, сильней и зорче, ему подвластен простор небесный. Пусть пал Люцифер, он – превозможет...

Работаем!

Смерть, проводив его взглядом, неслышно скользнула вслед. Она не отстанет.

Лейхтвейс...

2

Шагнув с крыльца на истертый булыжник, он, не думая, поглядел налево в сторону маленькой площади с храмом, попытавшись поднять правую руку ладонью ко лбу. Не смог – наручники на запястьях, чужие пальцы на локте. Карабинер слева, и справа карабинер. Держат крепко, не вырвешься – и крест не сотворишь. «Иначе пути не будет, – непонятно в шутку или всерьез говаривал дед, старый вольнодумец и почитатель Бакунина. – Храмов много, но этот, Сандро, наш!» И сам подавал пример. Все прочие игнорировал, даже базилику Святого Петра, его же наместника без всякого почтения именовал шаманом в камилавке. Маленький Сандро вначале очень этому удивлялся, а потом решил, что у деда наверняка был свой дедушка. Он и научил креститься. Насчет же шамана деду виднее, потому что он не просто дед, а еще и профессор истории.

Бабушка, когда они выходили из дому вместе, тоже крестилась на храм, после чего доставала из сумочки расческу и честно пыталась привести в порядок буйные вихры внука. Без особого успеха – жесткие волосы с трудом поддавались даже ножницам парикмахера. Два-три шага по улице – и все усилия насмарку. Мальчик рос истинным дикобразом – и очень этим гордился.

На улице вышла заминка. Один из карабинеров принялся докладывать хмурому типу в штатском, второй на миг ослабил хватку, и человек в наручниках смог снова взглянуть на знакомый с детства храм. Chiesa Santa Maria della Pace – серый мрамор, четыре колонны у входа. Святая Мария улицы Мира... Там улица и заканчивается, не слишком длинная, всего на десяток домов. В детстве маленький Сандро легко пробежал от первого до последнего, даже дыхания не сбив. Ветер в ушах, старый булыжник скользит под ногами...

Дед умер в 1916-м, на полгода пережив бабушку, а через месяц после его похорон, внук, студент первого курса, ушел на фронт. Профессор бы не одобрил. «Войны бывают всякие, но эта – точно не наша», – обронил он незадолго перед кончиной. Внук думал иначе – и записался добровольцем. В казарме его первым делом коротко постригли, чему бабушка, будь она жива, очень бы порадовалась. Ненадолго – в окопах у Изонцо волосы снова отросли. Там бывшего студента и окрестили Дикобразом. Он и не думал обижаться – у прочих клички оказались еще похуже. Капрала Муссолини в глаза именовали Кувалдой, а он лишь гордо поводил плечами.

С тех пор многое изменилось. Бывший капрал поменял кличку на более короткую – Дуче, темные волосы его однополчанина пробила первая седина. И окопы теперь у них – разные.

– Князь Алессандро Руффо ди Скалетта? – поинтересовался штатский, заглянув в записную книжку, где лежал фотоснимок. – Прощу в машину.

Перед тем, как его втокнули в дверцу, князь все-таки успел перекреститься – двумя скованными руками. Иначе пути не будет.

* * *

Об аресте его предупредили еще неделю назад, настоятельно посоветовав сейчас же покинуть Италию. Дальний родственник, служивший в министерстве внутренних дел, якобы совершенно случайно увидел очередной список. Князь не поверил ни в случайность, ни в сердобольного родича. Кто-то на самом верху, может, даже сам бывший капрал Кувалда, не хотел лишнего шума. Нынешние правители страны старались не ссориться с княжескими семьями. Дуче силен, но не всемогущ. Есть еще законный король, Его Величество Виктор Эммануил III, а за королем – армия.

За предупреждение князь поблагодарил, но уезжать не стал. Лишние бумаги сжег в старинном камине, заплатил жалованье прислуге за полгода вперед, отправил по почте пухлую бандероль и принялся спокойно ждать. Арест будет уже не первый. Молодого преподавателя университета Ла Сапиенца отправили в тюрьму осенью 1924 года за участие в Авентинском блоке. Не слишком надолго, всего на неделю, но с работы уволили немедленно, причем без права преподавания в высшей школе Италии. Второй раз за ним пришли через два года, после чего князь, поддавшись на уговоры родственников, покинул страну. Вернулся в 1935-м и решил больше надолго не уезжать. Будь что будет! Тридцать девять лет, большая часть жизни, считай, прожита. Был мальчишка – и нет его. Из зеркала смотрит кто-то костлявый, с впалыми худыми щеками и навечно вставшими дыбом дикобразными иглами вместо прически. Предки бы точно не одобрили.

...Дед – историк, отец – инженер-мостостроитель. Внук закончил философский факультет, но преподавательская стезя оборвалась в самом начале. Когда спрашивали о профессии, князь разводил руками и не слишком уверенно отвечал:

– Профессия? Ну, пожалуй... Сценарист!

Он не лгал. В бандероли, отправленной на парижский адрес, был его последний сценарий, отпечатанный в трех экземплярах на пишущей машинке «Олимпия».

3

В наставлениях, совершенно секретных, под расписку выданных, марсианский ранец именовался «Прибор особого назначения № 5». Понимай, как знаешь. Об использовании – несколько страниц, об устройстве – два абзаца, о том же откуда взялся – совсем ничего. Один из их группы, брат известного авиаконструктора, поразмыслив недолго, предположил, что «прибор» выпущен небольшой серией, причем специально для Германии. Надписи на немецком, но не на привычном «хохе» и даже не на диалекте, а на чем-то архаическом, чуть ли не времен Мартина Лютера. Такого в Европе не может быть, значит, скорее всего, Штаты, где у фюрера

много друзей. Янки, конечно, инженеры от бога, но тупы-ы-ые! Даже не посмотрели в каком году издан словарь.

Инопланетную версию никто всерьез не защищал. Ранец, ясное дело, марсианский, но ради конспирации «прибор» и пострашнее назвать можно. О другом спорили. Один из разделов обучения – воздушный бой, «марсианин» против «марсианина». Значит, ранцы есть не только в Фатерланде?

Решились – и задали вопрос. Им ответили, хотя и не сразу. Вначале – новая расписка, затем – «секретная» тетрадь со страницами, прошитыми суровыми нитками. «Прибор», кроме Германии, имеется, как выяснилось, у французов, русских и, возможно, англичан. Про Штаты никаких сведений нет. Каждая страна владеет несколькими единицами, сколькими именно – великая тайна. В группе – два ранца, во всем Рейхе наверняка побольше.

Чуть позже узнали и о Франции. У лягушатников было четыре «прибора», но два они умудрились потерять, причем самым глупым образом. На каждом ранце надпись белым по черному: «Не вскрывать!» А французы взяли – и попытались. Значит, сами и виноваты. Нет у галлов порядка!

Все прочее оставалось тайной, но курсанты не роптали. Доверие окрыляло – из сотен и тысяч достойных выбрали именно их! Конечно, потом будут другие, но первыми стали они, пятеро молодых ребят, старшему из которых только что исполнилось двадцать.

...Лишь совсем недавно Лейхтвейс узнал, что «потом» так и не настало. Их выпуск был первым – и последним. О причинах не сообщили, но он догадался сам. Для серьезного обучения необходимы минимум два ранца. Остался же всего один – тот, что у него за плечами. И «марсиан» стало меньше, двое погибли, одного отстранили от полетов, инструктор исчез.

Исчезла...

Один ранец, два пилота. Так и работали по очереди. Сегодня – его смена.

* * *

Крыша оказалась не ровной, как он думал – скатной, с резким уклоном, таким, что и не усидеть. К счастью нашелся карниз, пусть и узкий, но уместиться можно. Там Лейхтвейс и устроился – справа, поближе к фигурной каменной башенке. Солнце уже зашло, фонари горели далеко, у самых ворот. Сумерки надежно укрыли непрошеного гостя. За спиной – теплое, не успевшее еще остыть, железо, под ногами пропасть, а над головой – летнее парижское небо, на котором неспешно проступали бледные звезды.

Добрался!

Найти особняк оказалось проще, чем он предполагал. В темноте улицы казались горными ущельями, однако свет уже включили, и Лейхтвейс, скользнув над площадью Виктора Гюго, без труда вышел на следующий ориентир – улицу Лафонтена, широкую, залитую неровным желтым огнем. Оставалось пролететь ее из конца в конец и найти узкий переулок, затерявшийся между массивными шестиэтажными домами начала века. Затем дома исчезли, сменившись особняками за высокими заборами. Тот, что ему нужен, был третьим слева. Все как на плане: ворота, будка охраны, входная дверь, крыльцо, клумба.

Ранец выключать не стал. Карниз узкий, береженого бог бережет... К счастью, о топливе можно не думать. Как сказано в наставлении, «прибор» работает не по принципу двигателя внутреннего сгорания, а совсем иначе. Что это может означать, намекнул инструктор: полет возможен, пока человек жив. Потом довелось и увидеть. Его напарник, тот самый брат авиаконструктора, умер в воздухе – отказало никогда не хворавшее сердце. Лейхтвейс успел подхватить ставшее сразу необыкновенно тяжелым тело и спустить на землю. За спасение аппарата он получил благодарность, а поредевшую группу отправили на внеочередной медицинский осмотр.

Сам на сердце не жаловался. Отболело! Работал спокойно и без малейших эмоций. Тренировки тоже помогли, даже самое трудное – ожидание теперь переносилось легко. Надо лишь

расслабиться, зафиксировав «картинку» перед глазами и просто отдыхать. Не каждый день выпадают лишние полчаса, когда остаешься наедине с самим собой.

Дневная жара ушла, значит, можно насухо вытереть лицо, отхлебнуть глоток воды из фляги. Двор – большой ровный квадрат, запертые ворота, охранник у будки. Справа – гараж, под ногами – крыльцо о трех ступеньках. «Картинка» запечатлена, она так и останется перед глазами, чтобы вспыхнуть ярким огнем при первом же изменении резкого и четкого контура. А поверх нее – еще одна, допустим... Тоже двор, и тоже квадратом, но большой и глубокий, не двор даже – колодец. Шестой этаж, широкий белый подоконник, светловолосый мальчик смотрит вниз. Сколько ему? Лет пять, не больше. В комнате он один, отец и мама на службе, придут лишь поздно вечером.

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне!
Под деревом развесистым
Задумчив бур сидел.

Это внизу. Шарманка, седой старик в теплом, не по сезону пальто и девочка в белом платье. Они здесь не первый раз, и мальчику очень хочется спуститься вниз. Нельзя! Если спустишься, подойдешь, надо отблагодарить – хотя бы медной монеткой с отмененным двуглавым орлом. А у него ничего нет, совсем ничего, последнее потрачено еще вчера на книжку с лихими разбойниками на обложке. «Пещера Лейхтвейса», история без начала и конца. Говорят, таких книжечек очень много, собрать все почти невозможно...

Читать мальчик уже умеет, пусть и не слишком быстро.

О чем тоскуешь, старина,
Чего задумчив ты?
Тоскую я по родине,
И жаль родной земли.

О Трансваале (правильно с двумя «а») он знает, папа рассказывал. Там воевали – давно, когда папа был немногим старше его самого. А папа ушел на другую войну, Германскую, а потом пришлось воевать с беляками, а потом папу ранило под городом Новороссийском, и на фронт его больше не пустили. Война вроде бы кончилась, но папа говорит, что радоваться еще рано, бои идут под Тамбовом, а еще в Сибири и возле Тихого океана.

Сынов всех девять у меня,
Троих уж нет в живых.
И за свободу борются
Шесть юных остальных.

Голос у девочки очень красивый, и она сама красивая, только очень худая. Наверно, она и этот седой не получают «паек», поэтому им и приходится ходить по дворам. Жаль, им почти ничего не дают, жильцы их дома тоже не все получают «пайки», а если и получают, то совсем маленькие. А некоторые вообще – «лишенцы», им не положено ничего, а еще их может забрать черный грузовик из Чрезвычайной комиссии...

Прошло много лет, и уже в совсем другой стране Лейхтвейс откроет томик пролетарского поэта Владимира Маяковского. Врага надо знать, особенно «лучшего» и «талантливейшего», если верить товарищу Сталину. Ничего хорошего он в книжке не увидит – косноязыкая заумь,

перемешанная с не слишком умной, в лоб, пропагандой, но затем взгляд скользнет по нескольким обрывистым строчкам.

А летом
слушают асфальт
с копейками
в окне:
– Трансваль,
Трансваль,
страна моя,
ты вся
горишь
в огне!²

Маяковского он не полюбил, но томик выбрасывать не стал и время от времени перечитывал. Последний раз совсем недавно, когда уже получил приказ готовиться к командировке в Париж.

Картинка с девочкой в белом платье поблекла и растеклась по углам. Во дворе особняка ничего не изменилось. Если не повезет, если информаторы ошиблись, так будет до самого утра. Но думать об этом пока нельзя. Ждать... Ждать!

А старший сын – старик седой
Убит был на войне:
Он без молитвы, без креста
Зарыт в чужой земле...

4

– Адрес? – не отрывая носа от бумаги, спросил служивый. В штатском – как и все, встреченные у входа и в коридоре, что сразу удивило. На управление полиции не похоже, на министерство внутренних дел – тоже не слишком...

– Ваш адрес? – надавил голосом служивый, не услышав ответа, даже нос слегка приподнял. Князь хотел было сообщить очевидное, но внезапно усмехнулся. Адрес ему? А где живет Дикобраз?

– Рим, палаццо Руффо.

Перышко клюнуло, коснувшись бумаги. Замерло.

– А... А улица? Номер дома?

– Понятия не имею, – не без удовольствия констатировал его светлость. – Как-то, знаете, не интересовался. Наша семья живет там с XV века.

Служивый сглотнул, но переспрашивать не решился.

Все было конечно же не так. От палаццо XV века остался лишь фундамент, дворец построили заново два века спустя. Потом он обветшал и был разобран – за исключением бокового крыла: дверь, лестница, две комнаты внизу, триверху. Семья давно бы избавилась от бесполезного наследства, но городские власти запретили пускать палаццо на слом. Причиной стала фреска на втором этаже якобы авторства самого Караваджо. Так и стоял ненужный обломок, врезанный между двумя современными домами. Пригодился он деду, который, рассорив-

² Для тех, кто родился после 1991 года. Владимир Маяковский. «Хорошо!»

шись с родственниками, переехал в руину старого дворца. А потом и внуку, после того, как квартиру в центре города пришлось отдать супруге.

– Род занятий?

Князь невольно задумался. Как будет правильно? Безработный? Бывший преподаватель университета? Будто бы они сами не знают! Впрочем, ненужные вопросы все-таки имеют смысл. Сначала ответишь на то, что никому не повредит, потом войдешь во вкус, разговоришься. Главное – начать.

Дикобраз встопорщил иглы.

– Защита чести рода ди Скалетта. Словом, делом и кровью!

Сказал – и сам восхитился. Узнал бы его дед, воевавший в отряде Гарибальди!

На другой стороне стола воцарилось молчание. Наконец, послышалось не слишком уверенное:

– А можно... а-а-а... чуть более конкретно?

Князь вобрал в грудь побольше воздуха. Да сколько угодно! Достаточно вспомнить покойную тетюшку, обожавшую рассуждать о родовой чести. Даже отец, на что был терпелив, не выдерживал, выходил в соседнюю комнату. С чего она начинала? Кажется, с того, что Господь сотворил благородных за день до Адама...

Дикобраз насупил густые темные брови.

– Род Руффо, да будет вам ведомо, числился среди наизнатнейших еще в эпоху Крестовых походов...

– Спасибо, ваша светлость, мы это знаем.

Прозвучало не из-за стола, а слева, от внутренней двери. Кто-то очень хорошо смазал петли – открылась без всякого звука.

Титулование густо сочилось насмешкой.

– ...Однако ни в Первом, ни во Втором похода Руффо не участвовали. Сидели себе на Сицилии до 1750 года, пока ваш предок не потерял свои владения в Скалетто и не переехал на север.

Прежде чем повернуть голову, князь улыбнулся:

– Тогда зачем спрашивать? К тому же наша семья, если верить легенде, получила фамилию не от сицилийской деревни, а от замка Скалетто на Крите. Четвертый крестовый поход!

Тот, кто вошел, теперь стоял возле стола – жилистый, плечистый, покрытый «вечным» южным загаром. Расплющенный в давние годы нос, узкие, резко прочерченные губы, морщины в уголках рта. Глаза самые обычные, разве что во взгляде, на самом доньшке, что-то странное, словно человек не смотрит – прицеливается.

Князь встал. Настоящий противник заслуживает уважения.

– Вы знаете не хуже меня, ваша светлость...

Усмешка вышла зубастой, словно оскал черепа.

– ...Что эту легенду выдумали сицилийские Руффо при Наполеоне. Кто-то из них, насколько я помню, мечтал сменить Бурбонов на неаполитанском престоле. Название замка на Крите пишется с одним «т».

Широкая ладонь дрогнула, и служивый, поднявшись из-за стола, беззвучно проследовал к двери. Гость садиться не стал. Оперся руками о столешницу, наклонился, поглядел исподлобья.

– А вы сами, ваша светлость, во времена Авентинского блока охотно откликались на обращение «товарищ Скалетта». По-моему, князем вы себя ощущаете только при общении с правоохранительными органами.

Спорить Дикобраз не стал.

– Иногда. Феодальные пережитки бывают очень полезны.

Плечистый, улыбнувшись уголком рта, кивнул на стул, при- сел сам.

– Защита чести рода ди Скалетта – понятие очень широкое, однако, не думаю, что в него входит совместная работа с врагами Италии. Или вы считаете иначе? Кстати, меня зовут Антонио Строщи. Титулами не оброс, так что обращайтесь по фамилии.

Князь постарался не дрогнуть лицом. Вот, значит, к кому довелось попасть! Он очень надеялся, что разбираться с ним станет обычная полиция. Выходит, зря.

– Хорошо... полковник. Никогда не думал, что моя скромная персона заинтересует ваше столь секретное ведомство.

На этот раз улыбки не было. Взгляд-прицел ударил холодом.

– Вижу, мы заочно знакомы. Тем лучше! Итак, синьор³ Руффо, вы обвиняетесь в деятельности, враждебной нашему политическому строю, а также в сотрудничестве с иностранной агентурой. Законы вы знаете не хуже меня, так что рекомендую подумать о последствиях.

Князь вновь не стал спорить.

– Законы знаю. Значит, сотрудничество с иностранной агентурой?

Поглядел прямо в прицел, в самую точку холода.

– А докажите!

Взгляд чужих глаз отозвался ледяным звоном.

– А зачем?

5

Человека он заметил не сразу. Тот был уже посреди двора, когда невидимый контур неслышно дрогнул, сообщая о переменах. На какой-то миг Лейхтвейс даже растерялся, но быстро сообразил. Он следил за главным входом, а неизвестный появился откуда-то сбоку. Почему? Человек неспешно прошел к воротам гаража, чуть наклонился, открывая замок, и все стало ясно. Наверняка шофер, обслуга, такому не положено пользоваться парадной дверью. Так было и дома, каждый подъезд имел два выхода, однако почти все парадные наглухо заколотили еще в Гражданскую.

Значит, шофер. Неизвестный информатор не ошибся – этим вечером обитатели дома собираются куда-то уезжать. Куда именно, не так важно, главное они выйдут из особняка и подойдут к машине. «Ситроен» 1935 года – черный «Avant Combi»⁴.

Кто эти люди, Лейхтвейсу не сказали, а спрашивать он не стал. Ясное дело, не «черная кость», если живут в районе Пасси, да еще и в собственном особняке. Немного смущало другое – исполнить следовало всех, кто будет у машины. Это значит сами объекты, шофер, и, возможно, охранник. Будка у ворот пустовала, но он вполне может появиться. Сколько всего? Минимум четверо, причем двое наверняка будут при оружии...

В глубине гаража что-то негромко рыкнуло, и во двор неспешно выкатил автомобиль. Так и есть, «Avant Combi». Черная машина, вновь зарывав, аккуратно развернулась носом к воротам. Интересно, кто их откроет? Охранник или шофер?

Текли минуты, во дворе вновь стало тихо, шофер, отойдя подальше, достал пачку папирос. Значит, еще есть время.

Огонек зажигалки, резкий запах табака...

– Не вздумайте начать курить, – предупредил Лейхтвейса куратор. – Про здоровье говорить не буду, но в оперативной работе это станет здорово мешать.

³ Здесь и далее. В некоторых случаях обращения «синьор», «синьорина», «фройляйн», «принчипе», «компаньо», оставлены без перевода.

⁴ Все упоминаемые в тексте автомобили, мотоциклы, самолеты, бытовые приборы и образцы оружия не более чем авторский вымысел.

И рассказал давнюю историю о группе захвата, устроившей засаду на квартире. Ждали долго, целых два дня, и один из сотрудников попросил разрешения выкурить папиросу. Начальник разрешил, велел выбросить окурочек в окно и проветрить комнату. Не помогло. Хозяин квартиры начал стрелять прямо с порога. Он был некурящим и понял все сразу.

В группе курсантов курили все, кроме него самого. Никотин снимал стресс и усталость, но Лейхтвейс все-таки удержался. Но сейчас, в эти минуты он невольно позавидовал шоферу. С папиросой время течет быстрее...

А младший сын, тринадцать лет,
Просился на войну.
Но я ответил: «Нет, нет, нет!» —
Малютку не возьму.

Шарманщик и девочка в белом платье к ним во двор больше не приходили, на соседних улицах их тоже не видели. Как появились, так и сгинули. Позже довелось слышать старую песню и с граммофонной пластинки, и в исполнении пьяного трактирного хора, и под шарманку тоже, но совсем другую. Девочка в белом платье исчезла навсегда.

Но он нахмурясь отвечал:
«Отец, пойду и я!
Пусть я слаб, пусть я мал,
Крепка рука моя!»

...Докурил! Быстро прошел к урне, бросил окурочек, поспешил к машине. Входная дверь сейчас откроется...

Открылась.

Первым вышел парень лет двадцати пяти. Короткая стрижка, пиджак расстегнут – наверняка охранник, на покинутой Родине таких зовут «порученцами». Лейхтвейс прикинул, что если охрану усилили, он может и не справиться. Исполнить-то исполнит, но уйти не дадут. Подумал об этом спокойно, без всяких эмоций. Волноваться будет после, если вернется...

Нет, когда вернется!

Объекты!..

Мужчина и женщина вышли на крыльцо одновременно. Он, уже очень пожилой, в строгом темном костюме, без шляпы, волосы отливают сединой. Она несколькими годами моложе, в шляпке и светлом летнем пальто, в руке – большой букет белых цветов. Лилии... Сойдя со ступеней, повернулась к охраннику, что-то сказала, протянула букет... Лейхтвейс замер. Неужели возьмет, сам себя обезоружив?

Взял!

Теперь можно и дух перевести. Лейхтвейс скользнул ладонью по расстегнутой поясной кобуре, наметив незримую линию у крыльца. Как только они ее переступят...

Дверь! А это еще кто? Никого больше не должно быть!..

Он вытер пот со лба. То, что в доме есть ребенок, ему рассказали. Но и сам Лейхтвейс, и сотрудники, готовившие операцию, были уверены, что в такой поздний час детям положено спать – или листать на сон грядущий книжку с картинками. Хотя бы про Лейхтвейса, благородного разбойника...

Девочка в белом платье, легко сбежав по ступенькам, подошла к женщине. Та наклонилась, поцеловала в щеку. Седой мужчина, уже готовый переступить черту, остановился.

Повернулся... Шагнул назад, к крыльцу...

Да, час настал, тяжелый час
Для родины моей.
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей.

Любая диспозиция теряет смысл после первого же выстрела – гибнет от столкновения с реальностью. Эту простую истину Лейхтвейс знал. Тщательно разработанный план рухнул в небытие, а он даже не успел достать пистолет. А если они вернутся в дом? Действовать непосредственно с крыши нельзя – слишком близко, у объектов есть оружие, значит, начнется перестрелка...

Вверх!

Перчатка-гироскоп сжалась в кулак, и Лейхтвейс беззвучно взлетел в темное небо. Пульс легкими звонкими молоточками бил в виски, отсчитывая секунды. Две, три, четыре... Стоп! Упругий воздух ударил в лицо, и человек завис над уличными огнями. Для того, чтобы набрать нужную скорость, высоты должно хватить. Теперь – вниз. Сначала посмотреть, мысленно вычерчивая траекторию, провести невидимую оранжевую кривую до самой земли...

Достать пистолет... Снять с предохранителя... Пристроить поудобнее в руке. В левой – правая занята...

Может, девочке еще повезет?

Атака!

Быстрее всего скорость можно набрать в простом падении, отключив ранец, но тогда придется разворачиваться у самой земли, теряя драгоценные секунды. Значит, кулак сжать до боли, правую – вперед – и с горки, словно на невидимых салазках. Прямо как в детской книжке: «Вот моя деревня; вот мой дом родной; вот качусь я в санках по горе крутой...»⁵

Бить придется с левой руки, но это не смущало. Учили и выучили! Атаку в пике он отрабатывал много раз, до полного автоматизма. Стрельбу следует начинать с тридцати метров, вначале – самого опасного, а дальше по мере убывания. Значит, первым будет охранник, последней – девочка в белом платье...

...Если она еще там. Вдруг успеет исчезнуть, как та, другая, из его детства?

Первые две секунды, пока земля мчалась навстречу, еще можно было думать, и Лейхтвейс прикинул кем эта, в белом платье, может быть. Внучка? Племянница? Дальняя родственница? Объекты уезжали на целую ночь, намечался большой праздничный прием в министерстве, и она могла выбежать из дома просто для того, чтобы пожелать спокойной ночи.

«Вот моя деревня; вот мой дом родной...»

Земля уже близко. Теперь он видел двор с другой стороны, от ворот. Черный «Avant Combi», шофер справа, возле открытой передней дверцы, охранник чуть в стороне, по-прежнему с букетом лилий в руке. Объекты... Тоже возле «Ситроена», прямо за шофером, лицом друг к другу. Значит, план придется менять, первым не повезет шоферу. С его стороны и атаковать, исполнить первым, убрав с директрисы стрельбы – и уже без всяких помех работать с объектами.

Охранника – последним, он еще секунду станет думать, прежде чем бросит букет.

«...Вот качусь я в санках по горе крутой...»

Девочку он увидел не сразу, только за миг до того, когда думать уже стало поздно – на крыльце, возле самой двери. В ярком свете фонаря Лейхтвейс успел заметить, что платье не белое, как почудилось в первый миг, – светло-серое. А еще – маленькая смешная дамская сумочка на правом плече. Сейчас она откроет дверь, войдет внутрь и выживет... Нет, не так. Если дверь закроется перед тем, как будет взят прицел – выживет.

⁵ Здесь и далее (для тех, кто не знает) – стихотворение Ивана Сурикова.

...Светловолосый мальчик сидит на подоконнике и смотрит вниз. Двор-колодец, двери подъездов, шарманка, седой старик в большой черной шляпе...

Встает кровавая заря
С дымами в вышине.

Первый! Второй! Третья! Охранник!..

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне!

Дверь! Открыта, но... Закрыта! И ладно.

Черная молния, так и не коснувшись земли, ушла в небо.

Когда желтые огни квартала остались далеко внизу, Лейхтвейс расцепил обтянутый перчаткой кулак, останавливая полет. Сразу же стало тихо, исчез свист ветра в ушах, только снизу еле слышно доносился ровный гул огромного города. Теперь можно перевести дух. Нет, сначала вернуть предохранитель на место, спрятать пистолет и только потом, достав платок, протереть мокрый лоб – и посмотреть прямо в звездное небо...

О том, что случилось на оставленной им земле, Лейхтвейс решил пока не думать. Все сделано правильно, приказ выполнен. О выстреле, который так и не прогремел («Трансваль, Трансваль!..»), рассказать некому. К тому же дверь была закрыта... Почти закрыта.

Лейхтвейс всегда исполнял приказы. Почти всегда.

6

В феврале 1919 года берсальер Дикобраз наконец-то смог снять военную форму. С капра-лом Кувалдой расстались по-дружески: обнялись, обменялись адресами, распив на дорожку купленную за последние деньги бутылку прескверной граппы. Бывший студент отправился домой, в Рим, надеясь восстановиться в университете Ла Сапиенца. Это удалось, но поскольку семестр был уже на изломе, демобилизованный Алессандро Скалетта (родовое «Руффо» он старался лишний раз не поминать) решил начать занятия с осени, а пока что освежить в памяти подзабытую научную премудрость – и как следует отдохнуть. Куда уехал Кувалда, знал лишь он сам, но в середине марта, только решив дела в канцелярии Ла Сапиенца, Дикобраз получил письмо, написанное знакомым почерком. Фронтовой товарищ звал его в Милан, где намечалось нечто очень-очень важное. Алессандро весьма удивился, но, подумав, решил съездить. С родителями и немногочисленными приятелями он уже успел пообщаться, а наука могла немного подождать.

«Очень и очень важное» состоялось 23 марта в зале на Пьяцца Сан Сеполькро. Полсотни молодых людей, половина – только что снявшие военную форму ветераны, остальные же – пестрый богемный сброд, которым заправляли бесшабашные футуристы, именовавшие себя странным словом «фашио». Бывший берсальер никак не мог понять, куда он собственно попал, пока не узрел на трибуне Кувалду собственной тяжелой персоной, в штатском и без бороды.

– У меня нет никакой программы! – прогремел Бенито Муссолини, вздергивая массивный подбородок. – Мы создадим ее вместе и спасем нашу Италию. Мы – фашисты!

– Фашио! Фашио! – недружно откликнулся зал. – Да здравствует Италия!..

И уже иначе, дружным хором десятков глоток:

– Дуче! Дуче! Дуче!..

С той поры каждое 23 марта на домашний адрес князя приходило послание из канцелярии главы итальянского правительства. Он оказался в группе избранных – «сансеполькри-

стов» – тех, кто присутствовал при рождении фашистской партии. То, что в партию он так и не вступил, чиновников не волновало. Конверты Дикобраз не вскрывал, но и не выбрасывал – отправлял сразу на чердак. Мыши сами разберутся.

«Сансеполькростов», как он узнал, ныне насчитывалось четыре сотни – включение в заветный список считалось высшей из фашистских наград. Возможно, среди них есть и бывший боксер, чемпион Италии в полусреднем весе Антонио Строцци, один из руководителей личной разведки Дуче. Сам же бывший капрал именовал свою спецслужбу незамысловато: «чека».

– Зачем доказывать вину, синьор Руффо? А главное – кому? Преступнику?

Чемпион поставил на стол тяжелый металлический термос, отвинтил крышку.

– Кофе будете? Ночью пришлось побегать, спал хорошо если час.

Князь пожал плечами.

– Давайте. Только я пью без сахара.

– Я тоже. Хорошо хоть в этом совпадаем.

Чашки нашлись в ящичке стола. Полковник, наполнив их до половины, выпил свою в три глотка и откинулся на спинку стула.

– Презумпция невиновности в наше время уже не работает, синьор Руффо. Организованная преступность и зарубежная агентура – как с такими прикажете работать? Я начинал на Сицилии в команде префекта Чезаре Мори. Вы хоть представляете, что творилось на родине ваших предков? Ничего, справились. Да, законы мы устанавливали сами – или вообще без них обходились, но иначе с мафией пришлось бы бороться сто лет.

Князь тоже отпил из чашки и поморщился. Кофе горчил.

– Вы не победили мафию, полковник. Если помните, Чезаре Море сказал, что бандитов надо искать не только среди зарослей опунции, но и в префектурах, полиции, особняках работодателей, и, само собой, в министерствах. Он уточнил «некоторых», но это по скромности. Однако туда вас не очень пускали, да вы и не рвались. Нельзя искоренить преступность ее же методами. Хотя бы потому, что у бандитов куда больше опыта в войне без правил.

Чашка с негромким стуком ударила о столешницу. Чемпион покачал головой.

– Вы неисправимы, синьор Руффо.

– Неисправим, – охотно согласился князь. – Лучше плохой закон, чем борьба всех против всех. Своих взглядов никогда не скрывал, и могу лишь удивиться, отчего обо мне вспомнили так поздно.

Строцци внезапно улыбнулся.

– Очень убедительно! Иной бы даже поверил... Фашизм не карает за инакомыслие. Дуче много раз повторял, что свобода воли для всех, даже для врагов – наша высшая ценность. Но мысли это одно, поступки – совсем другое. Не так ли?

На стол легла небольшая записная книжка в темной обложке.

– Если хотите, синьор Руффо, можем пройти по всей вашей биографии. Но это долго, хотя и весьма поучительно. Возьмем лишь один эпизод.

Перелистнув несколько страниц, нашел нужную, щелкнул пальцем по бумаге.

– Итак, вы, синьор Руффо, покинули Италию в августе 1926 года и отправились в Северо-Американские Штаты. Жили в Лос-Анджелесе, имели какие-то дела в Голливуде. Писали сценарии, как я понимаю?

Князь пожал плечами.

– Я и не скрываю. Подрабатывал. И сейчас иногда пишу.

Строцци усмехнулся, весело и зубасто.

– Пишете, знаю. Только вот что именно? В Штатах вы не жили. Приехали, побыли пару месяцев, а потом исчезли на несколько лет. Ваши письма домой пересылал кто-то другой – действительно из Лос-Анджелеса. Неплохо придумано, могло бы и сработать.

Улыбка исчезла, холодом плеснул взгляд.

– Именно в эти годы я служил помощником нашего консула в Сан-Франциско. В Голливуд съездил лично, проверил адрес, который указан в письмах... Где же вы были, синьор Руффо?

Дикобраз еле заметно дернул губами.

– Это уже мое дело. Но где бы я ни был, полковник, законы не нарушал, даже те, что установил ваш Дуче – и не делал ничего, что могло бы принести вред Италии. Потому и говорю: докажите!

Полковник вновь открыл записную книжку, зашелестел страницами.

– Если вы так настаиваете... После возвращения из вашего очень странного путешествия, вы покидали Италию дважды. Один раз ездили во Францию, второй – в Португалию, год назад. Там пробыли два месяца. Я ничего не напутал?

Князь согласно кивнул.

– Все так и было.

– Не совсем так, синьор Руффо. В Лиссабоне вы сели на самолет авиакомпании «Иберия» и направились в Мадрид. У вас имелся паспорт совсем на другое имя, но доказать ваше пребывание у анархистов мы сможем без особого труда – как и то, что вы среди прочего встречались с их главарями.

– С министрами законного правительства Испанской республики, – негромко уточнил бывший берсальер.

– С врагами Италии, синьор Руффо. И это всего один эпизод. Ваша биография, как я уже говорил, весьма поучительна.

Строцци отложил записную книжку в сторону, ударил пальцами по столешнице.

– А теперь я сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

* * *

– Вы давний и убежденный противник фашизма, синьор Руффо, что не тайна. Рискну предположить, что вы – самый первый антифашист в мире. Вы же были в зале Сан Сеполькро, когда Дуче обратился к нации, не так ли? Но меня интересуют не ваши взгляды, а дела. Я убежден, что вы, синьор Руффо, связаны с некой иностранной державой, причем уже немало лет. Более того, вы на них активно работаете. Доказать пока не могу, это действительно так, поэтому не имею возможности вывести вас на открытый процесс. Значит, у вас есть шанс. Предлагаю сотрудничество – во имя нашей Италии, которую вы не раз поминали. Если согласитесь, в вашей жизни внешне ничего не изменится. Если же нет, мы поступим с вами, как с сицилийским мафиози. По всей строгости закона – или беззакония, что никак не изменит результат. И закончите вы жизнь не героем, а мерзким предателем, таким и войдете в историю. Уж об этом я позабочусь. Вот вам и вся защита чести рода ди Скалетта – словом, делом и кровью. Надеюсь, понятно объяснил? Если так, то желаю услышать ответ, причем немедленно. Итак?

– Нет.

7

Когда залитая ночной тьмой земля исчезла далеко внизу, Лейхтвейс включил обогрев – третья кнопка слева на маленьком пояском пульте. Об этом предупредили еще перед первым полетом: холод коварен, его можно сразу не заметить, а потом станет поздно. Именно по этой причине погиб сын авиаконструктора. Поднялся в заоблачную высь – и забыл об осторожности. Ясный день, солнце, что может случиться?

Теперь была ночь, и холод подступил со всех сторон. Дышалось плохо, кажется, он тоже увлекся, набрав слишком большую высоту. Нельзя! С ранцем ничего не делается, не выдержит сердце. Оно создано для тех, кому предназначено ходить, а не летать.

– Привыкайте, ребята, – сказал как-то инструктор. – Вы теперь не просто люди. Только не спешите этому радоваться.

Сказал... Сказала...

Еще раз сверившись с компасом, он решил немного изменить курс. От Парижа до границы Рейха чуть меньше трехсот километров – по прямой, если приложить линейку к карте. Но он возьмет чуть южнее, пусть даже из-за этого придется лишнее время побыть в воздухе. Ничего, выдержит! Полет не должен длиться больше двух часов, но это обычный, тренировочный. Инструктор считал, что можно продержаться втрое больше, если не форсировать скорость и лететь не выше двух километров.

Считал... Считала... Даже в мыслях Лейхтвейс предпочитал неопределенное «инструктор», слово, если верить словарю, мужского рода. Пусть лучше так, меньше риска проговориться. Тем более, этого человека больше нет. Не потому что умер, а вообще. Нет – и не было, учил же их некто, которого лишний раз помянуть не след, даже среди «марсиан». Это оказалось не слишком трудно. Привык! В детском доме нельзя было вспоминать об отце – враге трудового народа, в Германии – о России, а в полку, где он, горный стрелок Николас Таубе, проходит службу, – о Лейхтвейсе. И конечно же нигде нельзя помянуть Ночного Орла. Такого не существует в природе, крылатые хищники ведут дневной образ жизни, о чем и в книжках написано.

Но там, где нет свободы слова, есть свобода мысли. А если и ее отняли, остается еще Память, и это уже навсегда. Альбом семейных фотографий, отцовская шинель в прихожей, улица 25 Октября в красных первомайских транспарантах, колодец двора, седой шарманщик, девочка в белом платье, а над ними – бездонное синее небо...

Дышать стало заметно легче, внизу сквозь черную мглу проступили еле заметные желтые огоньки. Считай, километр, оптимальная высота при нормальной погоде. Лейхтвейс еще раз сверился с компасом и чуть сжал ладонь в перчатке, прибавив скорости. Теперь все правильно, следующая остановка – Арденны.

Когда планировали операцию, самым сложным оказалось не добраться, а выбраться. Существовал строгий приказ, отданный с самого верха – посадка с ранцем за плечами за пределами территории Рейха возможна только при чрезвычайных обстоятельствах. Но в самолет на полном ходу не запрыгнуть, слишком велика разница в скоростях. Имелся вариант с посадкой где-нибудь на лесной поляне неподалеку от Парижа, однако чужую машину на земле могут увидеть – и найти нужное место ночью очень сложно. Можно воспользоваться дирижаблем, но тот слишком заметен в небе.

Лейхтвейс предложил самое простое – обычный перелет с промежуточной посадкой уже в Германии. На это уйдет еще один день, зато надежно и безопасно. Начальство хоть и не сразу, но согласилось. У Лейхтвейса имелся свой интерес: обратный маршрут строго не оговаривался, значит, у него есть несколько лишних часов – очень много, если распорядиться ими с толком. Приказы положено выполнять, но в любом из них, даже самом строгом, достаточно прорех. Нашел нужную, скользнул в нее – и никто тебе не укажет.

«Вы теперь не просто люди». Лейхтвейс давно уже понял – это не только слова. В небе появляется лишнее измерение, земля начинает казаться далекой и плоской, и даже самое высокое начальство выглядит не лучше мелких букашек. Черный ранец превращал обычного парня девятнадцати лет в обитателя двух разных, непохожих миров. Законы земного, нижнего, столь несовершенного, уже не имели над ним прежней власти.

... Теплое звездное небо совсем близко, воздух чист и прохладен, полет почти не ощутим, словно не ты летишь – мир движется сквозь тебя. А до покинутой земли очень, очень далеко...

Свобода!

Лейхтвейс был счастлив.

Камера пропахла хлоркой. Князь дернул носом, поморщился и, даже не оглянувшись, шагнул влево, к пустым железным нарам. Будет еще время осмотреться. Что та камера, что эта...

Все шло по кругу. Третья «ходка»! В очень похожей камере уже приходилось сживать и в 1924-м, и двумя годами позже. Одиночка с намертво замурованным окном, тяжелая железная дверь, сырые стены в извеске и полная, абсолютная тишина. Надзиратели и те разговаривают шепотом, кричать же можно только в подвальном карцере.

Тот не римлянин, кто не гостил у Царицы! Центральная тюрьма – она же Царица Небесная. Когда-то здесь держали уголовный сброд, при Дуче настал час политических. Тогда и окна замуровали.

Князь, присев на нары, снял пиджак, уложил рядом. Никаких сюрпризов, все ясно и предсказуемо. Рано или поздно капрал Кувалда должен был вспомнить о Дикобразе. Два года назад, когда началась война в Абиссинии, начали брать всех подряд. Его, «сансеполькрита», почему-то не тронули, и князь даже слегка обиделся. Зато теперь все полной мерой, даже «инострannую державу» приплели. Некую...

О чемпионе Италии в полусреднем весе слышать приходилось. Разведчик, «освещавший» итальянскую эмиграцию в Штатах, чем-то приглянулся Кувалде, и был зачислен в «чекисты». На этот раз бывшему боксеру велели разобраться с бывшим берсальером. Не слишком честно, весовые категории у них разные...

Тюремные навыки вспоминались быстро. Главное – не распускать нервы. В этих стенах начинает казаться, что времени уже нет, оно остановилось, исчезло. Но это не так. Ничто не вечно – ни эта камера, ни фашизм, ни синьор Бенито Муссолини.

Часы отобрали, но князь всей кожей чувствовал, как двигаются невидимые шестеренки, ползут стрелки по циферблату, как подрагивает тяжелый маятник, готовясь рассеять воздух. У Эдгара По каждый его взмах приближал неизбежную гибель, но здесь, в каменном колодце Центральной тюрьмы, Время стало союзником. Нужно лишь не мешать, доверившись его вечному ходу. «По всей строгости закона – или беззакония». Алессандро Руффо ди Скалетта весело улыбнулся. Еще поглядим!

«В Штатах вы не жили. Приехали, побыли там пару месяцев». На самом деле меньше, всего лишь пять недель. Вначале Нью-Йорк, потом Лос-Анджелес. Там он никого не знал и очень удивился, получив приглашение на грандиозную вечеринку в самом сердце Беверли-хиллз. Режиссер Джон Форд отмечал премьеру своего фильма «Синий орел».

* * *

...Шампанское оказалось выше всяких похвал, и Дикобраз, поддавшись соблазну, взял с подноса второй бокал. Первый выпил одним глотком – на огромной веранде было жарко и душно, хотя время близилось к полночи. Ни ветерка, звезды скрылись за тяжелыми низкими тучами, и не требовался метеоролог, чтобы предсказать близкую грозу. Однако в дом никто не спешил. Оркестр, дюжина негров в смокингах, играл что-то веселое и бесшабашное, пары кружились в танце, и никому не было дела до одинокого итальянца, пристроившегося неподалеку от огромных стеклянных дверей. Его это ничуть не смущало. Шампанское подают – и хорошо! Этот мир был князю совершенно незнаком, в кинематограф он ходил редко и, как правило, не на американские фильмы. Несерьезно! То ли дело, французы и немцы, да и родное итальянское кино иногда радует.

Из всех гостей Дикобраз узнал лишь Чарли Чаплина, но подойти не решился. Что он ему скажет? Спасибо за «Золотую лихорадку»? Это будет нечестно, фильм князю не очень понравился. Такое хорошее начало – и безобразный финал!

Кто и зачем его сюда пригласил, Дикобраз даже не пытался гадать. Узнает! В Лос-Анджелес он тоже не собирался, думая устроиться в Нью-Йорке, но за день перед отъездом в старый палаццо, что рядом с храмом Святой Марии улицы Мира, заглянул гость – коллега с его кафедры, теперь уже бывшей. Он и намекнул, что отставному берсальеру, ставшему теперь отставным преподавателем, в Городе Ангелов может найтись работа. Князь подумал – и решил рискнуть.

Оркестр сделал маленький перерыв, а затем вперед выступила певица – белая, в маленькой шляпке и коротком платьице. На этот раз музыка показалась знакомой. Джордж Гершвин, американская знаменитость. Кажется, тоже пишет для Голливуда.

Жизнь была бесцельной, как во сне,
Все уснуло в мертвой тишине.
Мне уже давно было все равно,
Вдруг кто-то тук-тук, тукнул в дверь ко мне.

Князь еле заметно поморщился. Современная музыка не ложилась на душу. То ли дело классика – или народные песни, настоящие, которые еще можно услышать в калабрийской глубинке. Да хоть здешний «кантри» под банджо, всё лучше, чем эта пошлость!

Так в дом вошла любовь,
И стало светло.
Так в дом вошла любовь,
И солнце взошло.

Он отхлебнул из бокала. Шампанское уже успело согреться. Жаркое лето выдалось в году от Рождества Христова 1926-м!

– Приличный костюм, – прозвучало слева, от дверей. – У вашего портного есть вкус!
Дикобраз неспешно повернулся.
– Как и у вашего ювелира.

Вдруг сердцу показалось,
Будто любовь
Шепнула несколько слов,
Хоть слов не слышно было.

...Диадема в белых камнях, тяжелые серьги, ожерелье, на пальцах правой руки три кольца – три маленьких огонька, синий, красный и зеленый. Серое обтягивающее платье, прическа – «марсельская волна». Лицо холеное и властное, всему прочему под стать.

– Спасибо! А еще у вас оригинальная прическа и итальянский акцент. Значит, это вы.

Дикобраз провел ладонью по непокорной шевелюре. Прежде чем идти на «party» он честно пытался навести на голове порядок. Расческа в который уже раз оказалась бессильна.

Миг – и тоска былая скрылась во мгле.
Миг – и легко мне стало жить на земле.

– А я – Глория Свенсон. Мой хороший друг хочет с вами побеседовать. Я пойду первой, вы – за мной. Встретимся в коридоре слева от входа.

Улыбнулась уголками ярко накрашенных губ.
Исчезла.

Взгляд – и сверкнуло счастье над моей судьбой, —
Любовь вошла с тобой!⁶

Прежде чем идти следом, князь допил шампанское и поставил бокал на ближайший столик. И тут же по стеклу ударили первые тяжелые капли дождя.

* * *

– Мое отношение к фашизму однозначно, – сказал он человеку в комнате с тяжелыми шторами. – Но это никак не касается Италии. Ничего во вред своей стране не делал и делать не собираюсь. Свержение Муссолини – наша внутренняя проблема. Италия – слабая и бедная страна, любой толчок извне может ее разрушить.

– Судьба Италии – это и судьба всей Европы, – ответили ему. – Вы были на фронте, синьор Скалетта. А теперь представьте себе новую войну, только куда страшнее. После битвы у Капоретто Италия была на грани распада. Еще одной мировой бойни ей не выдержать, а Муссолини не очень похож на миротворца. Скажу больше: ни Италия, ни даже вся Европа новую войну не остановят. Таков расклад. Остается решить, что в силах сделать лично вы, эмигрант и специалист по политической философии. Давайте подумаем об этом вместе.

На следующий день в душном гостиничном номере Алессандро Руффо ди Скалетта сел писать свой первый сценарий.

9

Синий, серый, зеленый... Летнее июньское небо, отвесный скальный обрыв, трава, кустарник, лес... Гору словно обрубили тесаком, камень был ровный, лишь время от времени попадались узкие извилистые расщелины.

Арденны позади, он уже в Рейхе. Западная оконечность Рейнских гор, места глухие и малолюдные, однако мало ли кто может взглянуть в небо? На всякий случай Лейхтвейс летел, как и прежде, в километре от земли. Без бинокля не увидеть, проверено и не раз.

На часах – два пополудни, вечером он будет на месте. Все пока удавалось, даже самое опасное – дневка, несколько часов сна после ночного перелета. Наставления категорически запрещают снимать ранец, если не обеспечена должная охрана – особенно когда ты один. Но охранять могут не только люди. Рассвет Лейхтвейс встретил над Арденнами. Дорогу подсказала узкая река Урт, к северу от нее он сразу увидел неровную, поросшую редким лесом вершину. Зигнаал ван Ботрань, самая высокая гора здешних мест. На ее макушке, как и полагается – геодезический знак, рядом – маленький фанерный домик, приют скалолазов. Как Лейхтвейс и надеялся, и в домике, и на всей вершине было пусто. Никого! Осталось закрыть дверь на крючок и положить пистолет под руку.

Обошлось, никто не потревожил. Проснувшись и наскоро сделав привычную зарядку, он отломил от шоколадной плитки ровно половину, отхлебнул из фляги – и, нацепив ранец, взмыл прямо в небо, в синий горячий зенит. Лишние полдня – законная награда. Начальство ждет его на западе, а он свернет на юг.

И никто, никто не помешает!

Нужную скалу Лейхтвейс уже заметил – чуть повыше прочих, гладкая, ровная с зеленой травяной каймой возле подножия. Мечта альпиниста! Его сослуживцы по полку только и говорили, что о горах. Каждый, даже зеленый новичок, мечтал попасть в «категорию шесть», касту лучших из лучших, на всю Германию – едва ли десяток, даже если с аннексированной Австрией считать. Лейхтвейс честно постигал трудную науку горного стрелка, но без всякого

⁶ Русский текст С. Болотина и Т. Сикорской.

воодушевления. Зачем ползти, когда можно взлететь? И доползешь далеко не всегда, эта скала едва ли по силам даже «категории шесть», разве что самым отчаянным. Однако мало просто подняться, надо еще знать – куда. Черный провал в каменной тверди с земли не заметен, его можно увидеть лишь в полете.

Вниз!

Серый камень – навстречу. Две трещины, между ними маленький порожек, дальше – неровный темный овал. Уже возле самой скалы Лейхтвейс разжал руку, снижая скорость, затем оглянулся, скользнув взглядом по синим небесам. Чисто, ни облачка. Внизу никого, в небе тоже...

Он нащупал подошвами порог и выключил ранец. Как и всегда, на плечи привычно навалилась тяжесть, мышцы свело болью... Прошло! Не такая уж большая плата за часы полета.

Шаг – из света во тьму. В первый миг – ничего, и лишь когда глаза привыкли, он увидел то, что и ожидал: маленький грот с неровным потолком, пол, устланный пожелтевшей хвоей, у стены – раскладная военная койка, возле другой – завернутый в промасленную тряпку автомат ВМР-35. А на уступе возле койки, контрастом всему – маленькое, ладонью накрыть можно, четырехугольное зеркальце.

Ничего касаться не стал. Сел прямо на сосновые ветки, снял очки, шлем, расстегнул воротник.

Здравствуй, Ночной Орел!

10

Чуть больше года назад, весной 1936 года, губернатор Додеканеса Чезаре-Мария де Векки, фигура в стране не слишком заметная, в одном из своих выступлений помянул Большую Италию – новую империю, в которую скоро войдут Корсика, Ницца, Корфу, Далмация, Мальта, а заодно Албания с Грецией и северная часть Туниса. Газеты речь перепечатали, однако мало кто отнесся к словам губернатора всерьез. Мечтателей в фашистском руководстве пруд пруди, сказывалось наследие бесшабашных футуристов. За рубежом речь игнорировали, там своих фантазеров хватало. Князь тоже не отнесся к сказанному всерьез, куда больше его заинтересовало то, о чем де Векки умолчал.

Корсика, Ницца, Корфу и прочие части будущей империи могли спать спокойно – воевать с Францией Дуче не по силам. Однако не прошло и месяца после опубликования губернаторской речи, как рухнула в никуда Швейцария. Италии отошел кантон Тичино, не слишком заметная доля, однако достигнуто все было без войны, быстро и эффектно. Газеты захлебнулись от восторга, в центре Рима начали строить мемориал, а бывший берсальер Дикобраз положил на стол карту Средиземноморья и задумался всерьез. Великую Италию все-таки начали строить...

Матрас так и не принесли. Ночь князь провел на жестком железе, подложив руку под голову и глядя в темный потолок. Заснул под утро. Молчаливый надзиратель разбудил с первыми лучами солнца – днем в камере лежать не полагалось. Дикобраз сел на койку, прислонился к стене и закрыл глаза. Может, и не заметят.

...Разноцветные стеклышки неслышно кружили в черном водовороте, сталкивались, цеплялись друг за друга, неспешно складываясь в четкий и ясный рисунок. Каждую серьезную политическую акцию бывший капрал Кувалда, помня фронтовой опыт, начинал с артподготовки – с массовых арестов. Так было перед роспуском парламента, так было и перед Абиссинской войной, и перед аннексией Тичино. Специальный трибунал безопасности обходился без излишних формальностей.

Значит, Кувалда опять что-то задумал. Что-то – и где-то. Корсику, Ниццу, Корфу, Далмацию и Мальту вычитаем.

Что в остатке?

11

О Ночном Орле Лейхтвейс первый раз услышал перед поездкой в Испанию. Разговорился один из новых знакомых, летчик из легиона «Кондор». Вылет предстоял наутро, почти вся группа спала, а они с парнем заварили кофе и слово за слово разговорились. Лейхтвейс числился механиком, к тому же гражданским, поэтому летун поглядывал снисходительно, то и дело повторяя, что видал виды. Ничего особенного о себе не рассказал, вероятно, и нечего было – зато вовсю хвастался новейшей техникой, на которой скоро предстоит летать. Однако, допивая очередную чашку, обмолвился, что охотно променял бы кресло пилота в новейшем истребителе на американское чудо – летающий ранец. Сам его не видел, зато другие наблюдали лично, а командир части даже присутствовал на испытаниях, где были все-все-все, включая «самого главного».

Лейхтвейс не слишком удивился. Как минимум один ранец, из тех, что располагал Рейх, передали в Люфтваффе. Геринг, решив похвастаться, пригласил на полигон фюрера. И – прощай секретность.

Сомневаться в словах летчика не стал, однако заметил, что пользы от такого ранца не слишком много. Один человек, пусть даже крылатый, войну не выиграет. Его спутник вначале промолчал, но затем, перейдя на шепот, сообщил, что один такой крылатый уже действует. Люфтваффе неоднократно получали приказы на перехват, но без малейшего результата. А зовут смельчака Ночной Орел.

Лейхтвейс вначале не поверил. Последние три месяца и вправду ходили разговоры о неуловимой террористической группе. Рассказывали странное: диверсанты не трогали военные объекты, предпочитая сжигать квартиры нацистских чинуш – от провинциальных гауляйтеров до работников столичных министерств. Апофеозом стал пожар на даче рейхслейтера Роберта Лея, не слишком популярного главы Трудового фронта.

Почему так? Некоторые считали, что речь идет о вульгарном шантаже. Подполье желает как следует всех напугать, демонстрируя свою силу. Самые же циничные рассудили иначе: террористы отнюдь не подпольщики, а из Вермахта, просто тренируются. Отчего бы и нет? Рейху – никакого вреда, а зажавшиеся бонзы станут вести себя поскромнее.

Ночной Орел... Оказывается, неизвестный террорист действовал в одиночку.

Действовала...

«Пилот-испытатель Вероника Оршич. Буду у вас инструктором, ребята».

Маленький грот в скале они отыскиали вместе во время очередного испытательного полета. Лейхтвейс увидел его первым и первым же шагнул на теплый от солнца каменный порог. Никакой пользы от случайного открытия не ждал, тем не менее, охотно дал слово сохранить все в тайне. И в самом деле, о каждой мелочи незачем докладывать начальству.

Он промолчал, а случайная находка очень пригодилась Ночному Орлу. Словам летчика Лейхтвейс поверил не сразу. Однако убедившись, что тот прав, вспомнил то, чему сам учен. Небесному террористу-одиночке требуется база на земле, тайная и недоступная. В ней можно выспаться и отсидеться, спрятать запас оружия, переждать непогоду. Лейхтвейс заглянул в каменный грот месяц назад и понял, что не ошибся. Вот только опоздал – кто-то, такой же крылатый, уже успел шагнуть на пыльный камень. Остались только койка, пустой автомат и зеркальце на каменном уступе.

Лейхтвейс встал, надел шлем и очки. Пора! В очередной раз подумалось, что собственную базу он, если придется, организует совсем по-другому. Прятать и прятаться можно по-разному. Осе – маленькому летающему тигру, – нет смысла забиваться в щель между камнями. Разумнее найти спокойное местечко в осином гнезде, своем ли, чужом – не важно.

«Марсианин» застегнул воротник, поправил перчатки и шагнул к выходу – к яркому солнечному свету. Опасаться нечего, но прежде чем ступить на теплый камень, он привычно бросил взгляд в синеву. Ясно, ни облачка, лишь в самом зените – две темные точки. Наверняка птицы, непонятно только отчего, забрались на такую высоту. Доставать бинокль было лень, но Лейхтвейс, себя пересилив, расстегнул кожаный футляр. Интересно, какие птицы летают так высоко?

Пристроил бинокль поудобнее, поправил резкость...

Есть!

Дальше уже действовал не думая. Бинокль спрятал, легко подпрыгнул, проверяя снаряжение, – и кинулся вперед, словно с парашютной вышки.

Ранец!

Остановился в сотне метров от земли, чуть ниже, чем рассчитывал. Вытянул руку, регулируя высоту, повернулся влево – и заскользил прочь, прижимаясь к самой скальной тверди. В небо смотреть не стал.

Крылатые – но не птицы. Двое таких же, как он, с марсианскими ранцами за спиной.

...Внизу – зеленые пятна, справа – серая скала. Если обрушатся сверху, не уйти. Оставалась надежда, что не замечен. Потому и падал вниз – на фоне скалы темную точку различить почти невозможно – если, конечно, кто-то из «марсиан» не держал в руках бинокль. Тогда все, как говорил папа, амба!

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне!
Под деревом развесистым
Задумчив бур сидел.

Секунды тянулись медленно, в ушах свистел воздух, кровь уже не молоточком – молотом стучала в висках. На тренировках он хоть и с трудом, мог различить напарника за полтора километра. Значит, еще немного, до самой дальней скалы. Если не начнут стрелять, ему очень и очень повезет.

Серое сливалось с желтым, яростно колотилось сердце, но Лейхтвейс, ни о чем не думая, считал секунды. Одна... Два... Три...

О чем тоскуешь, старина,
Чего задумчив ты?
Тоскую я по родине,
И жаль родной земли.

Вверх! Вверх! В небо!..

Глава 2

Моя Земля

Дикобраз и Кувалда. – Неле. – Беттина и Минотавр. – В небе. – Пещерный город. – Горный стрелок. – «Перекладные». – Команда «А». – Матера

1

Последний раз Дикобраз и Кувалда встретились в июле 1925 года. Поговорили плохо, иначе бы и не получилось, зато расставили все точки и подвели черту. Фронтовых товарищей больше не было – в полутемном кабинете на втором этаже виллы Торлония у огромного дубового стола лицом к лицу встали диктатор и его непримиримый враг.

10 июня был похищен и убит депутат парламента Джакомо Маттеотти. Преступников нашли быстро, да они и не слишком скрывались. Все – члены фашистской партии, ветераны движения. Возглавлял их Америго Думини, давний подручный Дуче, руководитель его личной «чека». В ответ Авентинский блок потребовал у короля отставки Муссолини. Преподаватель философского факультета университета Ла Сапиенца Алессандро Скалетта одним из первых поставил свою подпись под меморандумом блока.

Пути назад не было.

Кувалда понял это не сразу. Вначале пытался шутить, потом принялся не слишком умело оправдываться, и, наконец, заорал во всю луженую глотку – словно под артобстрелом, желая перекричать снарядный гром:

– Глупый мальчишка! Молокосос! С кем связался? С врагами Италии? Будь ты проклят!.. Не слушай их, меня слушай: я не приказывал убивать этого мерзавца Маттеотти, Думини сделал все сам! Я тут ни при чем, понимаешь?

Свою знаменитую бороду Кувалда давно сбрил. Пухлые щеки лоснились от пота, привычный гулкий голос то и дело срывался на визгливый фальцет. Бравый плечистый вояка превратился в стареющего, изрядно полысевшего толстячка, и князь мысленно пожалел его – тоже в последний раз.

– Ты – премьер-министр, – сказал он бывшему товарищу. – Значит, отвечаешь за все, в том числе и за убийц, которых вовремя не схватил за руку. Уходи, Кувалда! Ты не справился.

– Нет! Нет! Нет!..

Тяжелый кулак с размаху врезался в стол.

– Я не могу бросить Италию! Без меня она погибнет, а со мной – только со мной, понимаешь, – она станет великой, величайшей!.. Она вновь станет Империей!

Дикобраз поморщился от бьющего в уши крика.

– Величайшей – это как? Завоюет все от Испании до Сирии? Вспомни, Кувалда, итальянскую армию, она не умеет и не хочет сражаться. Много ли в нашем взводе было таких, как ты, воинственных? Целые полки отказывались подниматься в атаку. Мы не сможем воевать на равных ни с одной армией Европы. Новая война для нас – катастрофа.

– Да! Тут ты прав.

Заскрипел пододвигаемый стул. Кувалда грузно присел, кивнул на соседний.

– Падай!

Князь послушался – и вновь в последний раз.

– Пока это действительно так, Дикобраз. Но я выращу новую армию, народную, фашистскую, мне нужно только время. Я воспитаю молодежь! Сейчас они львята, но скоро станут львами. И тогда весь мир содрогнется!..

Алессандро Скалетта посмотрел бывшему товарищу в глаза.

– Не содрогнется. Италия – очень бедная страна, а из нищих – плохие солдаты. Львов надо кормить... Но даже не это главное. Королевство создали всего полвека назад, сшили из совершенно разных частей, как монстра Франкенштейна. При сильном толчке нитки лопнут. У нас не рабочие борются с буржуазией, а Север с Югом.

Бенито Муссолини вздернул узкие брови.

– Юг? Ты не хуже меня знаешь, что настоящая Италия – только до Рима, а дальше – наша Африка. Проклятье! Там даже разговаривать нормально еще не научились. На Юге нужны проконсулы, концлагеря и массовые расстрелы. Пока у меня связаны руки – из-за таких, как ты. Что б тебя бесы разорвали, мальчишка!.. Скажи своим поделщикам: я предлагаю мировую. Банда Думини пойдет под суд и получит свое, а вы распускаете блок и отзываете меморандум. Учти, король все равно на моей стороне. Ну, Дикобраз, будь умницей, не дури!

– Нет! – ответил своему бывшему товарищу Алессандро Скалетта. – Мы пойдем до конца.

Кувалда засопел, потянулся вперед, словно желая ударить, но внезапно улыбнулся.

– Тогда не жалуйся, берсальер! С врагами я не церемонюсь.

Князь взглянул удивленно.

– А когда я жаловался?

2

За порогом был лес, настоящий, сосновый, пахло смолой и горячей хвоей. Лейхтвейс, бросив полотенце на перила маленькой веранды, присел прямо на ступеньки. Зарядка сделана, завтрак – через полчаса, а дальше долгий-долгий день, совершенно свободный, не занятый ничем.

Благодать!

Фанерные летние домики стояли посреди большой поляны. Чуть дальше – тоже дом, но побольше, на четыре окна, над крышей – высокая железная антенна. Забор конечно же есть, как и ворота с караульными, но с поляны не увидеть, они дальше, в лесу. Если же взглянуть со стороны, учебный центр Абверштелле «Кенигсберг» ничем не отличался от туристической базы общества «Сила через радость». Почти все – в гражданском, никто не тянется по стойке «смирно», даже звания в частных разговорах не принято упоминать.

Свой дом Лейхтвейс оставил на Родине, нового так и не приобрел, но маленький домик посреди соснового леса отчасти его заменял, пусть ненадолго, всего лишь на несколько дней. Только здесь он мог повесить на стену фотографию Александровской колонны, что на Дворцовой площади, и вволю говорить по-русски. Последнее даже поощрялось, язык забывать нельзя.

Зимой он перебирался в маленькую комнату в казарме для унтер-офицерского состава на окраине Кенигсберга. Там было не так свободно, поэтому Лейхтвейс с нетерпением ждал весны. Но в последнее время и в столице Восточной Пруссии, и в сердце соснового леса приходилось бывать лишь наездами. Командировки, а затем и служба. Ничего не поделать, подданному Рейха Николасу Таубе исполнилось девятнадцать, а его биография ни у кого не должна вызывать лишних вопросов. Задание выполнено – и добро пожаловать в казарму, не унтер-офицерскую, обычную. Подъем, пробежка, занятия, неизбежная строевая – и господин гаупт-фельдфебель, отчего-то сильно невзлюбивший белокурого «пруссак».

Но это будет завтра. Сегодня – его день.

После завтрака Лейхтвейс решил зайти в библиотеку – в такой же точно фанерный домик на краю поляны. Книг там было мало, зато постоянно привозили новинки, в том числе и на русском. А потом заварить чай – и читать до самого вечера. В прошлый приезд не повезло: из русских новинок имелись только политические брошюры. Пришлось брать очередной томик

с космическими монстрами на обложке – Капитан Астероид и Темный Властелин продолжали свой бесконечный поединок. В книжке довольно подробно описывались марсианские ранцы, чему Лейхтвейс не очень удивился. Томики издавались в Штатах, откуда вероятнее всего и прибыл «Прибор особого назначения № 5». Тайна постепенно переставала быть тайной. Если верить слухам, Никола Тесла давно уже превзошел Петра Гарина из романа графа Толстого.

Он взглянул на часы – именные, награда за командировку в румынскую Трансильванию. До завтрака двадцать минут, потом к начальству, но это ненадолго. И – в библиотеку. В полку времени на чтение точно не будет.

– Привет! Ты Лейхтвейс?

Как подошла, даже не заметил, вероятно слева, со стороны леса. Это не удивило, а вот то, что поздоровалась по-русски, пожалуй, да. Лицо знакомое, прошлый раз виделись в столовой, а еще у начальства. Он тогда подумал, что эта худая девица – секретарь или шифровальщик.

– Я – Неле. Мне нужно очень потренировать русский и еще полетать немного. Действия в паре, воздушный бой. Помогать? Э-э-э... Поможешь?

...Наглая, костлявая, на полголовы его выше, белый верх, черный низ. И галстучек черненький – удавкой на худой шее.

Встать он встал, но руки не подал.

– У тебя акцент, как у шпионов в кино. А насчет всего прочего – к начальству, только учти, у меня выходной.

И сел обратно. Наглая и костлявая, намек не уловив, пристроилась рядом, на ступеньках.

– Акцент не есть плохо. Разговорная речь, беглая. Идиомы. Взаимное понимание...

Лейхтвейс даже головы не повернул. Взаимное понимание? С этой цаплей?

– А насчет летать – имею доступ. Прошла подготовку, однако неполную. Одиночные вылеты.

Он представил себе летнее поле, неровный строй новичков и бодрый рапорт: «Курсант Цапля к полету готова!» Интересно, где костлявая училась? Группа в Абверштелле расформирована уже давно.

– А еще – психологическая терка... Притирка. Нам – ты и я – совместная командировка. Еще не знаешь? Узнаешь, начальство скажет.

Лейхтвейс хотел промолчать, но внезапно понял. Командировка, русский язык...

Неужели – Россия?

Сдержался, вздохнул глубоко – и вновь увидел двор, двери подъездов, седого старика с шарманкой. «Трансваль, Трансваль, страна моя...»

– А русские песни ты поешь?

Прикусил язык – поздно. Цапля встрепенулась и принялась загибать длинные худые пальцы.

– Песня... «Der Mond scheint». Э-э-э... «Светит месяц», потом «Вольга, Вольга...» и еще современная, про кудрявую, которая не есть очень рада совсем. Спеть? Сейчас?

Лейхтвейс вновь поглядел на девицу, но уже совсем иначе. Кажется, над ним просто издевались.

– Не стоит, – вздохнул. – Эту песню полагается петь под балабайку.

– Nein! – Цапля улыбнулась, продемонстрировав острые ровные зубы. – Под ба-ба-лайку.

Спорить Лейхтвейс не стал. Он уже понял: будущая напарница решила слегка повеселиться. Девица, видать, с норовом. Но все это не имело никакого значения по сравнению с главным.

Неужели – в Россию?

* * *

– А разве я немец? – искренне удивился Коля Таубе, когда вежливый чиновник в посольстве намекнул на переезд в Фатерланд.

Говорили, естественно, по-немецки. Язык он знал с детства, впрочем, как и мамин – украинский. О собственной национальности особо не задумывался, когда же спрашивали, пытался пересказать то, что прочитал в книжках. Нация и народ – не одно и то же, не важно, кем родился, главное – кем себя чувствуешь. И не бывает единой нации. Нынешние немцы даже говорят по-разному, их нация молодая, еще не выросла. И не вырастет, потому что при полном коммунизме нации исчезнут, а люди станут изъясняться на эсперанто.

В анкетах писался русским. А кем же еще?

Чиновнику об эсперанто он говорить не стал, а того больше интересовало, действительно ли семья Таубе из Восточной Пруссии, приславшая вызов, имеет «родственные отношения» с русскими Таубе. Выяснив, что это так, столь же вежливо заметил: в Германии условия для получения образования ничем не хуже, чем в СССР.

Нужные бумаги Коля подписал – очень уж хотелось вырваться из ненавистного интерната, где каждый тыкал в него пальцем. Не потому, что Таубе немец, а потому что сын врага, скрытого белогвардейца. А еще ему прямо сказали: после семилетки никуда не выпустят, в лучшем случае отправят на поселение куда-то за Урал.

О Германии, родине предков, Коля плохо не думал, несмотря на прошлую войну. Немцев и русских ставил мировой империализм. Германия – родина Карла Маркса и Карла Либкнехта, а еще там живет и работает товарищ Тельман. Кто знает, может быть, скоро и в Фатерланде будет социализм, только на этот раз правильный, без «термидора» и предателя Сталина.

Уже став взрослым (девятнадцать не так и мало), Лейхтвейс понял, насколько ему тогда, в 1931-м, повезло. А еще то, что интерес к сыну расстрелянного по делу «Весна» красного командира был совсем не случайным. Дальних родичей, устроивших ему вызов, он даже не увидел. Зато попал в частную школу в городе Тильзите, где обучение было уже оплачено неведомыми «друзьями» семьи. А когда ему исполнилось семнадцать, эти же «друзья» предложили продолжить образование, но уже совсем в другой школе.

Обо всем случившемся Лейхтвейс не жалел, разве что иногда вспоминал о не сложившейся карьере киноактера. В шестнадцать он вместе с другими учениками школы снялся в массовке, а вскоре ему предложили роль. Как объяснил помощник режиссера, внешность у Николаса Таубе самая подходящая: идеальный немецкий юноша – белокурый, улыбочивый, с симпатичными ямочками на щеках. «Идеальный» отказался, хотя и не без тайного сожаления. Киноактеру, да еще известному, труднее будет вернуться в СССР.

А еще Коля Таубе очень хотел летать.

* * *

– Итак, где вы их встретили?

Лгать Лейхтвейс не любил, и прежде чем указать место на висевшей на стене карте, невольно поморщился. Рейнские горы, западная оконечность, но чуть-чуть не там. Ничего не поделать, не его тайна.

– Здесь, господин майор. Двое, с северо-запада, шли на штатной высоте – около километра. Меня не заметили, погони не было.

– Так...

С куратором во внеслужебное время они говорили исключительно по-русски. Господин майор становился Карлом Ивановичем, человеком обаятельным, понимающим и много повидавшим. Куратор воевал в Африке, в маленьком отряде полковника Леттов-Форбека, и его рассказы очень напоминали стихи Гумилева, только в прозе. «Завтра мы встретимся и узнаем, кому быть властителем этих мест; им помогает черный камень, нам – золотой нательный крест»⁷. Но сейчас оба говорили по-немецки, и каждое слово приходилось тщательно взвешивать.

⁷ Здесь и далее. Н. С. Гумилев «Африканская ночь».

– Как вы вообще там оказались? Это же юг, а вам надо было на восток.

Ответ у Лейхтвейса имелся, причем самый обстоятельный. Длительный перелет требует отдыха, иначе нельзя. Он проснулся в домике на вершине Зигнаал ван Ботрань в половину первого. Стоял ясный день, и если двигаться точно на восток, велик риск, что его заметят – места обжитые, люди на улицах. Поэтому он свернул на юго-восток, чтобы пролететь над горами, а уже в сумерках изменить курс.

Куратор слушал, не перебивая. Лейхтвейс сразу понял, что Карла Ивановича беспокоит не сам маршрут, а те, кто на нем встретился. Рейнские горы – это уже Рейх. Что за «марсиане» были в небе? Свои? Чужие?

– Как вы считаете, Лейхтвейс, это случай? Совпадение?

На этот раз он лгать не стал.

– Думаю, нет. Искали именно меня.

Чужой взгляд он выдержал. Стал по стойке «смирно», выдохнул.

– «Марсиане» из разных стран еще не встречались в небе, но когда-нибудь такое должно было случиться. Вероятнее всего, это французы. Они тоже просчитали маршрут – и почти не ошиблись. Мне просто очень повезло.

– Повезло, – негромко повторил куратор и внезапно улыбнулся. – Значит, французы? А иные версии у вас есть?

Лейхтвейс замер. Карл Иванович внешне никак не походил на разведчика: грузный пожилой дядька с седым «ежиком» на большой тяжелой голове, добродушный и простой. Но теперь в его улыбке читалось совсем другое. «Суров инквизитор великий сидит, теснятся кругом кардиналы, и юный преступник пред ними стоит, свершивший проступок немалый»⁸. Ему не поверили, что-то пошло не так.

– Версии... – Лейхтвейс на миг замялся. – Разрешите немного подумать?

– Подумайте! До вечера времени, надеюсь, хватит?

Можно перевести дух. Несколько часов у него еще есть.

– Жду вас ровно в 19.00. Кстати, с напарницей познакомились? Неле – одна из лучших наших сотрудниц, я ее готовил лично, так что можете ей вполне доверять. У нее свой ранец, так что начинайте полеты.

Карл Иванович поглядел не без иронии:

– Наверно, я вас огорчу, но в паре старшая – именно она. Можете рассказать ей все...

И вновь улыбнулся:

– Даже то, что не рассказали мне.

3

– Опять, – вздохнула жена, шелкая серебряной пудреницей. – Сандро, я тебе уже говорила: так жить нельзя!

– Нельзя, – покорно согласился князь. – Самому противно.

Решетка перед лицом, скучающие надзиратели по углам, железная дверь, телефон на столике возле окна. Комната свиданий. Когда его вывели из камеры, Дикобраз очень удивился. После того, как Царица Небесная стала приютом «политических», свидания сократились до минимума. В прошлый раз, в 1926-м, к нему не пустили никого, даже отца.

Для княгини правил не существовало.

– Когда ты, наконец, займешься делом? Работу можно найти во Франции, язык ты знаешь, а наши родственники тебе бы помогли. Нельзя быть таким неприспособленным! Что я

⁸ Н. С. Гумилев. «Любовникам», отрывок.

дочери скажу? Отец угодил в тюрьму, к жуликам и бандитам? А ты еще хотел встречаться с ней каждую неделю! Хватит и того, что сам стал отщепенцем...

С женой князь спорить даже не пытался. Бесполезно! Его очень дальняя родственница, тоже из Руффо, но иных, миланской ветви, вышла замуж за единственного наследника семьи Скалетта, героя войны и перспективного молодого преподавателя. Свою ошибку поняла быстро – они расстались после его первого ареста. В Италии развод невозможен, однако жена сумела каким-то образом оформить нужные бумаги во Франции – и там же выйти вторично замуж. Готский альманах этот брак игнорировал, но справочник по генеалогии – не самая популярная книга.

– В общем, Сандро, не обижайся, но с тобой надо что-то делать. И если ты сам не в силах, этим займусь я!

Она была все еще красива, и князь не слушал, просто смотрел. «Отщепенцем» в тех кругах, где блистала княгиня, он стал уже давно и не слишком о том печалился. Прочее тоже уже слышал, причем неоднократно. Все кончено, и кончено давным-давно.

Но ведь пришла. Не забыла!

– Как Стелла? – спросил он, впрочем, без всякой надежды. С дочерью Дикобраз почти не виделся, и не по своей вине. Вначале не позволяла супруга, потом пришлось уехать. Письма, конечно, посылал, но вместо Стеллы отвечала сама княгиня. «У девочки всё в порядке...»

– У девочки всё в порядке, она хорошо учится, а мы с Жоржем уже присмотрели ей вполне достойную партию. Молодой человек нашего круга, обеспеченный и очень перспективный.

...Как и он сам когда-то.

Князь посмотрел в знакомые глаза – и не увидел там ничего. Он вдруг понял, что с бывшим капралом Кувалдой у него куда больше общего.

– Беттина, – проговорил он и умолк. – Беттина...

Первый год после женитьбы они были очень счастливы, по крайней мере, ему так казалось. И потом, когда родилась дочь, все тоже шло хорошо, жена лишь жаловалась, что они редко бывают у знакомых – и ненавязчиво советовала держаться подальше от политики.

– Тебя хотят здесь запереть, – негромко проговорила княгиня. – Без суда, на основании какого-то чрезвычайного указа. Содержание под следствием без ограничения срока.

Дикобраз кивнул. Ожидаемо. «...Не жалуйся, берсальер!»

– Я вытащу тебя отсюда!

Пудреница вновь щелкнула. Звук был резким и неожиданным, словно выстрел. Алессандро Руффо ди Скалетта улыбнулся в ответ.

– Зачем тратить силы?

Пудреница была фамильная – бабушкина, купленная в Париже в незапамятные года, память о медовом месяце молодой княгини. На крышке – две длинноволосые наяды, под крышкой – чуть потускневшее от времени зеркальце. Бабушка ею очень дорожила и перед смертью завещала передать будущей супруге наследника рода Руффо ди Скалетта. Беттине поначалу безделица, слишком дешевая и простая, не пришлась по душе, но потом княгиня почему-то передумала – и уложила ее в сумочку.

– Причешься! – требовала она у мужа, поднося зеркальце к самому его носу. – Ну, на кого ты похож? Прямо Минотавр!

Почему именно Минотавр, молодой супруг так и не узнал. Не успел спросить.

Камере зеркало не полагалось, и князь мог лишь представить, каким его видит бывшая жена: двухдневная щетина на помятом лице, острые, обтянутые кожей скулы, глаза, утонувшие под густыми бровями, волосы дыбом – и седина на висках. Дикобраз и в молодости не считал себя красавцем, теперь же ему не дотянуть даже до Минотавра. Отщепенец – самое верное слово.

– Силы тратить незачем! – отрезала княгиня. – Ты неисправим, Сандро!..

И добавила, но уже шепотом:

– Если бы арестовали меня, ты бы поступил иначе?

* * *

С Глорией Свенсон тоже не сложилось. На следующий день после «party» у Джона Форда она сама позвонила князю в гостиничный номер. Когда встретились, Дикобраз, не подумав, назвал сценаристом – на кинозвезду он никак не походил.

– Я женат, – сказал он любительнице бриллиантов, когда стало ясно, что встреча может быть не последней.

– Я замужем, – ответила та. – Но об этом мы подумаем завтра.

«Завтра» растянулось на две недели, а потом пришлось решать. Свенсон уже подала на развод, и Алессандро имел все шансы стать следующим мужем, однако с непременным условием: работа на ее личной, только что основанной киностудии и конечно же сценарии по заявленным темам.

Верности Глория не обещала. «Это Голливуд, мой Сандро. Мы с тобой взрослые люди». Он уехал. Целых три дня Свенсон была безутешна.

Снова они увиделись уже в 1935-м, когда князь, перед тем как возвратиться в Италию, заехал на пару дней в Город Ангелов. У Глории Свенсон все было уже позади, и слава, и бриллианты. Перед встречей князь нашел в музыкальном магазине старую пластинку Гершвина.

Миг – и тоска былая скрылась во мгле.

Миг – и легко мне стало жить на земле.

– Не смотри на меня, – попросила актриса. – Лучше давай выключим свет.

Последнее письмо князь отправил ей за неделю до ареста.

4

Вверх! Вверх! Влево! Скорость прежняя, не форсировать, скоро начнет чувствоваться высота, тогда и нагоним. Вверх, вверх, вверх!

Цапля честно старалась уйти – и столь же честно делала все возможные ошибки, хотя Лейхтвейс перед полетом объяснил как можно подробнее – так же, как когда-то объясняли ему. Скорости почти одинаковые, преимущество, но не слишком заметное, у того, кто легче. Этим можно пренебречь – но не высотой. После трех километров скорость сильно падает, причем поначалу этого не замечаешь. Тот, кто ниже, имеет шанс выжать все до упора – и догнать.

Вверх! Дышать уже трудно, в ушах – легкий звон, пальцы начинают холодеть. Значит, уже скоро. Может, Цаплю и учили, но не полету в паре. И не воздушному бою, если бы все было по правде – конец девице!

Вверх! Она летит по кривой, значит, срежем дугу. Еще одна ошибка. На земле заяц может петлять, уходя от погони. Иногда помогает. В небе, в мире трех измерений, убегать следует только по прямой. Но не вверх, в зенит, а под углом, и чем меньше угол, тем надежнее. В идеале лучше уйти вниз, к самой земле, но это уже высший пилотаж.

Кажется, пора. Дышится трудно, виски давит, в ушах уже не звон – сирена. Цапля уходит на полной скорости, а у него еще есть резерв, пусть и совсем маленький.

...А еще он легче, девица хоть и костистая, но с мясом.

Форсаж! Кулак – до боли, руку вперед.

Есть!

Мог толкнуть в ногу, мог и слегка повыше, но проявил такт – ударил в плечо. Чуть не рассчитал: положено касаться, а не бить кулаком. Ничего, переживет костлявая!

Ладонь разжать... Руку назад... Стой!

Разбор полетов.

* * *

– Как же тебя готовили? Мы на второй тренировке уже играли в догонялки. Маневр «двойкой», между прочим, еще труднее, его и за неделю не освоишь.

В небе говорили по-немецки. Может быть это, а может, шлем и очки, скрывшие лицо, но Цапля в ее «марсианской» ипостаси не раздражала. Команды исполняла, не задавая лишних вопросов, летала же вполне грамотно для новичка.

– Меня учили стрелять. И, знаешь, я была самой лучшей. С тридцати метров при любой скорости – наверняка. И догонять не нужно. Кстати, стреляю правой, перчатку отключаю, перехожу на запасной гироскоп, который на ремне. Не слишком удобно, но я освоилась.

С тридцати метров в полете... Его самого такому не учили. Цели у них только на земле.

– Меняемся, теперь ты догоняешь. Первые два раза поддаюсь, заодно покажу твои ошибки, смотри внимательно. В третий – на полную. Даю фору – если подойдешь на дистанцию выстрела, считай, победила. Тридцать метров, говоришь?

Глаз не увидеть, только стрекозы очи. Но показалось, что стекла блеснули бледной зеленью.

– В бою форы не будет, Лейхтвейс. И честный бой – не для нас. Но здесь ты командир.

О том, что лишние слова в небе не нужны, он решил сказать уже после, на земле.

– Начали!

* * *

В правом плече – боль. Костлявая отомстила по полной – врезала от всей души, не жалея. От второго удара, уже в следующем заходе, Лейхтвейс уклонился. Ушел в сторону, развернулся – и ткнул Цаплю пальцем точно между лопаток.

– Убита! – отозвалась та, как ни в чем не бывало. – А ты ранен.

Он прикинул, что в реальном бою уже не смог бы пользоваться перчаткой. И еще раз подумал о том, что убивать в небе его не учили.

Третий раз!

Он сразу ушел на высоту, точно так же как Цапля, но под чуть меньшим углом. Оглянувшись на миг, прочертил в небе невидимую полосу – тридцать метров с запасом. Скорость выбрал максимальную – форсаж, кулак сжат до боли. Летел точно по прямой, не уклоняясь ни на метр. Костлявая уже все поняла, помчится следом. Значит, имеем треугольник: линия полета – раз, два – поверхность земли, три – перпендикуляр вниз, 90 градусов.

...Скорость! Скорость! На полной, пальцы впиваются в ладонь, если бы не перчатка, ногти бы уже врезались в кожу.

Ходу!

Вместо датчика – пульс. Пока стучат молоточки – вверх, не оглядываясь, выжимая, что только можно из черного марсианского прибора. Обо всем прочем можно будет подумать на земле: и о том, что выходной накрылся, и о чересчур наглой Цапле, которую учили совсем по другой программе – и о будущем задании.

Неужели и в самом деле – Россия?

Синий океан исчез, скрывшись за белой завесой – облако, как тогда, над Парижем. К счастью, чуть в стороне, уклоняться не надо. Лейхтвейс прикинул, что в серой влажной пелене можно устроить уже не догонялки – прятки, подивился нелепости идеи и чуть не пропустил миг, когда в виски ударила тяжелая горячая волна.

Есть!

Он отключил ранец и на миг зажмурился.

Свободный полет!

Ускорение – 9,81 метров в секунду, точно по перпендикуляру, камнем вниз. Никакой Цапле не справиться с Ньютоном! Как там у товарища Маяковского?

И эту секунду,
бенгальскую
громкую,
я ни на что б не выменял,
я ни на...⁹

Лейхтвейс открыл глаза и стал смотреть на мчавшуюся навстречу землю.

* * *

– Теперь я командир, Лейхтвейс. Сейчас будет разбор полетов. Готов? Учти, говорим по-русски.

– Йа! Йа! Ми вас будем убивайт и немножечко вешайт!

– Не смешно. Ты нарушил самое главное правило...

– ...Не отключать ранец в воздухе. В бою форы не будет, Неле. И честный бой – не для нас.

– Согласна. Но ты не выиграл – я тебя все равно застрелила. А сейчас подумай о том, что станешь говорить нашему шефу. И лучше всего, если это будет правда. Для тебя лучше, Лейхтвейс. Иначе отправишься в полковой оркестр – играть на ба-ба-лайке.

* * *

Правду он все-таки не сказал – из принципа. Маленький грот в скале уже никому не пригодится, о нем знают, но ломать слово все равно нельзя. Иначе получится, что он, благородный разбойник Лейхтвейс, предал своего учителя – пилота-испытателя Веронику Оршич. Но и не солгал всеконечно.

...В Рейнских горах он уже бывал – во время учебных полетов. Да, с инструктором, как и положено, «двойка», полет в сложных условиях. Потому и направился по знакомому маршруту. Встреча с «марсианами», конечно, не случайна. Поскольку прошлогодний полет отражен в документах, за горами могли присматривать. Варианта три: французы, что вероятнее всего, свои из ведомства Геринга – и неведомые хозяева ранца.

Американцев решил не поминать. Даже если «прибор» действительно создан за океаном, а не на планете Аргентина, пусть начальство разбирается само.

Доклад окончил. Умолк. Руки по швам, подбородок вверх.

– Уже лучше, – помолчав, заметил Карл Иванович. – Теперь по крайней мере логично. Могли увидеть документы, могли спросить у самой Оршич. Но если это хозяева ранца, то почему сейчас? Что мешало им сделать это раньше?

Прежде чем ответить, Лейхтвейс на секунду задумался. Сначала Ночной Орел – Вероника Оршич – исчезла без следа. «Могли спросить...» Значит, она в плену. А теперь заинтересовались им самим.

– Потому что мы начали воздушную войну. Кажется, этим хозяевам такое не по душе.

5

Князь уже много лет не курил. Начал на фронте, а завязал как раз перед женитьбой – невеста табачный дым не выносила. Однако сейчас, сидя у желтого казенного стола, он вспомнил, что такое никотинный голод. Крутит, выворачивает, путает мысли, не позволяя думать ни о чем кроме первой, самой сладкой затяжки. Но тянуло его вовсе не к папиросе: слева

⁹ Для тех, кто родился после 1991 года. Владимир Маяковский. «Облако в штанах».

от чинуши, кропотливо заполнявшего огромный бланк-распашонку, лежала сложенная вдвое газета. Сегодняшняя, свежая, хрустящая... Князь ничего не читал уже четыре дня. Особенно плохо было без новостей. Привык! Просматривая заметки и статьи, Дикобраз ощущал себя частью, пусть малой, еле заметной, невероятно огромного живого мира. Теперь мир замкнулся за тюремными стенами.

В Царице Небесной чтение не поощрялось. Книги, главным образом, духовные, разрешали выдавать только после первого года отсидки, писать же было запрещено напрочь. Исключение сделали лишь для коммуниста Антонио Грамши, спрятанного где-то в гулких лабиринтах старой тюрьмы. Но у того были надежные адвокаты в Красной Москве.

В канцелярию князя вызвали сразу после завтрака. Чинуша установил личность, после чего без особой спешки с головой нырнул в бумаги. Поначалу Дикобразу почудилось, будто тип за столом все тот же, из конторы полковника Строцци, но присмотревшись, понял: ошибся, хотя и не совсем. Пусть не прежний, но очень похожий, почти единоутробный брат. Очки, редкие прилизанные волосы, нос, словно у землеройки, стеклянный, ничего не выражающий взгляд. Только таких при бумагах и держат.

Газета, «Иль Пополо д'Италия», облику вполне соответствовала. Основана лично Кувалдой, как говорят русские, «генеральная линия». Но все равно – газета, буквы, складывающиеся в слова. Мир, который у него отобрали.

Удержаться было невозможно. Настоящий курильщик дымит даже у расстрельной стенки.

– Вы разрешите?

Чинуша, оторвав стеклышки очков от бумаги, вначале не понял, моргнул недоуменно. Пришлось не только кивнуть в нужную сторону, но и рукой указать. Узкие плечи под старым потертым пиджаком еле заметно дрогнули.

– Читайте, читайте, синьор! Если насчет процесса, сразу скажу: оправдали, на третьей странице – речь адвоката. А я пока закончу. Сами понимаете, человек один, а документов – много.

И вновь нырнул в бумажную пучину, которая и поглотила его. Князь, все еще не веря, осторожно взял газету, неспешно развернул и резко выдохнул. Первая затяжка, самая сладкая...

Он снова жив!

...Буквы цеплялись друг за друга, складываясь в слова и фразы. Тонкий лист газетной бумаги раздался вширь, становясь одновременно и киноэкраном, и увеличительным стеклом. А за ним был мир, планета Земля июня Anno Domini 1937.

Люди. Страны. Континенты. Жизнь. Смерть.

Эйфория от первой затяжки прошла быстро. Князь понял: за тюремными стенами Царицы ничего особенного не случилось. Его отсутствия никто не заметил, все прочее же как шло, так и идет своим ходом. На первой странице официоз, подготовка к уборке урожая, полуголый Кувалда на фоне молотилки: подбородок вверх, глаза навывкате, взгляд суровый, геройский. На второй и третьей – помянутый чинушей процесс, убийство пожилой богатой вдовы из Палермо. Подозреваемый, близкий приятель, юркий молодой человек тридцатью годами младше, оправдан и пожинает заслуженную славу. А дальше дела международные, тоже без сюрпризов. В Москве аресты военных, куда-то пропал Председатель Совнаркома Влас Чубарь, в Лиссабоне очередная встреча «белых» и «красных» испанцев при посредничестве доктора Салазара – и снова без всяких результатов. А что в Рейхе? Риббентроп собирается в Париж с очередным визитом, в «Фолькише беобахтер» – гневная статья о клеветниках, распускающих безответственные слухи о так называемом «Германском сопротивлении», коего в реальности нет и быть не может. А в Голливуде – очередная премьера: «Я встретила его в Париже», Мелвин Дуглас и Клодет Кольбер. Все ясно, понятно и предсказуемо.

Дикобраз уже хотел вернуть газету, но на всякий случай еще раз перелистал страницы. Что-то он пропустил.

...Передовая статья, фотография с полуголым Дуче, а под ней... Есть! Маленькая заметка в тонкой четырехугольной рамке: «В военно-морском министерстве». Князь просмотрел ее бегло, затем прочитал, но уже очень внимательно. Немного подумав, сложил газету и вернул на стол.

– И у меня готово! – тут же отозвался чинуша, отрываясь от бумаг. – Синьор Руффо! Вы приглашены для ознакомления с решением по вашему делу.

Он невольно вздрогнул. Значит, никакого суда. «Мы поступим с вами, как с сицилийским мафиози...»

– Документ очень большой, главное – в самом конце. Если хотите, я коротко, своими словами, а то, знаете, некоторые очень волнуются, пока до сути дойдут. А потом я покажу, где вам подпись поставить – и на том завершим.

В бесстрастном голосе проскользнуло что-то живое. Потратив немалое время на бумаги, владелец очков явно хотел побыстрее закруглиться. То ли торопился в служебный буфет, то ли просто мечтал дочитать репортаж о скандальном процессе.

– Сначала коротко, – охотно согласился князь. – А потом прочитаю сам, если вы не против.

Чинуша слегка поморщился.

– Как хотите, синьор Руффо. Суть же в том, что к вам, ввиду вашей опасности для общества и государства, применена административная мера пресечения – ссылка на срок три года с возможностью продления или изменения помянутой меры пресечения в случае соответствующих обстоятельств. Чему именно соответствующих, определит само начальство, так что совету условий ссылки не нарушать и начальство, опять же помянутое, не сердить.

Дикобраз перевел все услышанное на обычный итальянский и вначале не поверил. Ссылка? Только и всего? Сибирью Дуче пока не владеет, в колонии «административных» не отправляют, значит, дальше Сицилии не зашлиют. Есть, конечно, «возможность продления или изменения», но от этого и в Риме не уберешься. Невелика оказалась цена угрозам полковника Строчи!

Но тут же одернул себя. Не так важен Гомер, как комментарии к Гомеру – мелким шрифтом, на последней странице.

– Дайте, пожалуйста, документ.

Физиономия сидевшего за столом сразу же поскучнела. Чинуша неохотно протянул бумагу и, не выдержав, потянулся к газете. Третья страница, речь адвоката. Князь едва удержался от улыбки. «Синьоры присяжные! Душа несчастного подсудимого трепещет от волнения и надежды...»

Итак, документ, две страницы, комментарий к Гомеру. Тут уж ни одной буквы пропускать нельзя... Страница первая. «Королевство Италия. Министерство внутренних дел...»

– У вас есть атлас? – поинтересовался он, когда комментарии были, наконец, прочитаны. Чинуша, не без труда оторвавшись от газеты («...Нет, он не убийца! Загляните в эти честные глаза...»), изумленно помотал головой.

– Атлас? Какой еще атлас? А-а, интересуетесь, куда именно вас отправляют, синьор Руффо? Нет, атласы в тюрьме не положены. Лукания, провинция Базиликата, туда многих уже этапировали. Чем-то Матера, город этот, начальству полюбился. Может, на болоте стоит – или змеи там ядовитые.

– Лукания, – задумчиво повторил князь. – Матера... Интересно, что сказал бы дед?

Последнее – уже не вслух.

* * *

– Дедушка! А что ты в Турции копаешь?

– Не копаю, Сандро, султан пока не разрешает. Езжу, смотрю, фотографирую, карты составляю. Это называется «археологическая разведка». А интересуют меня пещерные города, они на юге, в Каппадокии. Помнишь, я тебе книжку показывал?

Сандро и сам хотел бы поехать с дедом в загадочную Каппадокию, но нельзя, папа не пустит. А еще он слишком маленький, чтобы быть археологом. В настоящей экспедиции положено днем копать древние руины, а ночью отстреливаться от разбойников. Потому бабушка и не хочет деда отпускать, в прошлую поездку его чуть не убили, вернулся с рукой в гипсе.

Внук, впрочем, не сильно огорчается. Скоро он вырастет, поедет с дедом в Турцию – и обязательно возьмет с собой винтовку системы Манлихер-Каркано. Вот только с городами этими не очень понятно.

– Дедушка! А почему города – пещерные? В пещерах первобытные люди прятались, которые неандертальцы и кроманьонцы.

– Не только они. Помнишь, я рассказывал тебе о Византии? В византийском приграничье жить было очень опасно, и люди стали селиться в горах, там спокойнее. Вырубали из камня целые города; пещеры – это подвалы и первые этажи, над ними – обычные средневековые дома и церкви. А когда в Византии запретили иконы, многие, особенно монахи, бежали на окраины и построили много монастырей. Потом Византия пала, города и монастыри разрушились, остались только вырубленные в скалах пещеры. Потому и название такое.

Маленький Сандро честно попытался представить, каково это – жить в пещере. Наверняка там очень сыро и очень темно. Беднягам-византийцам приходилось носить очки и регулярно лечиться от ревматизма. Но все равно – интересно!

– Жаль, что всё разрушилось! Хотелось бы посмотреть на такой город, чтобы настоящий был, живой.

– А ты съезди и посмотри. Один пещерный город, самый последний, существует и сейчас. Мечта историка! Он, кстати, у нас, в Италии, здесь тоже византийцы жили – на юге, в Лукании. Называется город – Матера. Моя Земля.

6

– Не-на-ви-жу любимчиков! – со вкусом, в растяжку проговорил гауптфельдфебель Шульце. – Ничего, в дерьме отмокнете! Служба, горные стрелки, это вам не праздник по случаю закалывания свиньи. Ясно? Спрашиваю, ясно?

И притопнул до блеска начищенным сапогом, словно припечатывая к полу казармы невидимого таракана.

Устав требовал ответа, однако Лейхтвейс предпочел промолчать. Гефрайтер Вилли Банкенхоль, товарищ по несчастью, издал странный звук, нечто среднее между «пфе!» и «ха!».

– Не понял! – Шульце, подступив ближе, многообещающе оскалился. – Характер демонстрируете, Банкенхоль? Ничего, я вас научу службу любить! Для начала – наряд в сортире. Писсуары во всей казарме – ваши.

Месяц назад неведомый художник изобразил господина гауптфельдфебеля в виде орангутанга: тупая морда, покатый, срезанный лоб, в водянисто-голубых глазках – ни проблеска мысли, длинные, ниже колен, руки – и густая шерсть, покрывавшая все тело. Рисунок, весьма сходный с оригиналом, два дня украшал ротный *sitzungssaal*.

– Смир-р-но! В отхожее место, це-ре-мо-ни-альным шаго-о-ом! Марш!

...Нога составляет угол с телом, в колене не сгибается, носок стопы оттягивается до прямой линии с голенью, нога опускается на землю площадью всей стопы, звук удара чёткий и ясный...

– Раз-два! Раз-два! Что, горные стрелки? Хорошо глядеть, как солдат идет?

Гауптфельдфебеля рота очень не любила. Лейхтвейсу рассказывали, что прежний «гаупт» был не в пример приличнее, из ветеранов-фронтовиков. Рычал, но дело знал и если зверствовал, то в меру. Старику не повезло, погорел на какой-то темной истории. Шульце же был выскочкой, вчерашний шофер из штабных, вовремя попавший на глаза высокому начальству.

– Раз-два! Раз-два-а! Плохо, Банкенхоль, плохо! Это вам не по скалам козликом скакать! Раз-два! Ножку! Ножку выше!..

Вильгельма Банкенхоля, лучшего альпиниста полка, Шульце не любил особо. Сам он к горам и близко не подходил, неоднократно повторяя, что из скалолаза хороший солдат не получится. К Лейхтвейсу, впрочем, «гаупт» относился ничуть не лучше, хотя и по другой причине.

– Раз-два! Раз-два!

* * *

В горных стрелках Лейхтвейс оказался по собственному желанию. Когда пришла пора призыва, куратор предложил зачислить «марсианина» на неприметную тыловую должность при Абверштелле «Кенигсберг», однако заметил, что в этом случае офицером ему не стать. Иное дело – строевая часть, после которой прямая дорога в училище. Лейхтвейс, подумав, согласился на строевую, однако совсем по другой причине. Абверштелле – мирок маленький и закрытый, каждый шаг под контролем, в полку же он – обычный солдат. Пусть без особых прав, зато на вольном воздухе.

Лейхтвейс предпочел бы попасть в летную часть, однако в Люфтваффе, ведомство Толстого Германа, куратор его непустил. Между авиацией и разведкой отношения были сложные. В результате призывник Николас Таубе очутился в Баварии неподалеку от Берхтесгадена, где расквартирован горно-стрелковый полк, один из лучших в Вермахте. Время от времени из части его отзывали – для плановой тренировки или чего-то более важного. Отлучки оформлялись с немалой выдумкой, чтобы не возникало лишних вопросов. Парижская командировка, к примеру, именовалась курсами минно-взрывного дела.

Постоянные отлучки подчиненного очень не нравились гауптфельдфебелю Шульце, в результате чего горный стрелок Таубе попал в категорию «любимчиков». Он оказался в хорошей компании – «любимчиками» были главным образом скалолазы, которым тоже приходилось часто отлучаться из полка.

По возвращению в часть «любимчику» непременно полагался наряд вне очереди. Традиция!

* * *

Лейхтвейс поставил ведро в умывальник и включил воду. Тяжелая струя ударила в жестяное дно. Два ведра, таз, две тряпки, щетка... Тех, кто убирал *sitzungssaal*, в полку именовали «шахматистами» – в честь черно-белого кафеля, которым выстлан пол.

– А стенку мы все-таки взяли! – удовлетворенно молвил Банкенхоль, подавая второе ведро. – Представляешь, Николас? Пузо, настоящее! Вначале положило, там еще ничего, хапал хватает, а дальше – отрицалово, одни мизера. Ничего, хоть насосом, но решили проблеме!¹⁰

И что ответить? Рассказать о том, как впервые пришлось стрелять в полете с левой руки? Не по мишени, по живым людям? Не промахнулся – куратор подтвердил. Все четыре – «холодные».

Кого довелось исполнить в Париже, Лейхтвейс так и не узнал. Может, и к лучшему, крепче спать будет.

– Ничего! – покоритель «пуза» довольно усмехнулся. – Через неделю опять помочалим! Знаешь, куда обещают отправить?

¹⁰ Здесь и далее персонажи (и автор вместе с ними) используют сленг скалолазов.

Оглянулся на дверь – и шепотом:

– В Испанию. В «гражданке», понятно. Спортивная делегация. Мир, дружба, сотрудничество!

Лейхтвейс на Пиренеях уже бывал, поэтому не слишком удивился.

– Там что, опять начинается?

– Увидим, – наивно моргнул Банкенхоль. – Но если ты про их гражданскую, думаю, нет. Спеклись, что те, что другие. Меня когда к полковнику вызвали, первым делом стали расспрашивать про итальянцев. Кто такой Сандри, знаешь? Ну, как же! Это же их самый лучший, Бартоло Сандри, «категория шесть». Так вот, он со своей командой уже там – в Андалузии, в Эль Чорро. Понимаешь?

Лейхтвейс пожал плечами.

– Зря военных альпинистов посылать не станут.

– Вот именно! – наставительно произнес напарник, берясь за ручку ведра. – Ну что, Николас, сыграем в шахматы?

Ответить Лейхтвейс не успел. С легким скрипом открылась дверь.

– Алё, горные стрелки!

Вид у гауптфельдфебеля странный. На физиономии – целый коктейль: злость, испуг и легкая примесь злорадства.

– Приказ командира части. Горный стрелок Таубе от наряда освобождается. Можете идти отдыхать... А вы, Банкенхоль, работайте. Лично проконтролирую! Если с тряпкой не справитесь, возьмете зубную щетку. Ясно? Спрашиваю, ясно?

– Так точно! – негромко выдохнул скалолаз.

– А вы, Таубе, чего стоите? В казарму, марш!

Лейхтвейс, отставив подальше ведро, вытянулся по стойке «смирно». Руки по швам, подбородок вверх.

– Никак нет, господин гауптфельдфебель. Сначала закончу уборку вместе с горным стрелком Банкенхолем.

– Что?!

Шульце по привычке притопнул ногой, угодив прямиком в лужу. Зашипел, отступил к двери.

– Выслуживаетесь? В училище хотите попасть? Не надейтесь, сегодня же подам рапорт. Начальство разберется, увидите! Такие офицеры, как вы, Вермахту не нужны!

Об училище и в самом деле поговаривали. Постоянные отлучки из части в штаб, естественно, заметили, объяснив по-своему: горный стрелок Таубе, пользуясь своими связями, готовится к вступительным экзаменам. Куратор слухи одобрил и посоветовал не слишком опровергать.

Дверь громко хлопнула.

– Знаешь, Таубе, – задумчиво проговорил Вилли Банкенхоль. – Из тебя получится приличный офицер.

* * *

До подъема осталось не больше часа, но Лейхтвейс не спал. Лежал на койке, смотрел в темный потолок, иногда закрывая глаза, чтобы увидеть синее бездонное небо, до которого так близко – и так далеко. Армейская жизнь не слишком досаждала. Два года в Абверштелле научили очень многому, в том числе и умению отстраняться. Подъем, зарядка, завтрак, чистка оружия, кислая рожа Шульце – все это совершенно не мешало думать. Он уже знал, что в полку не задержится. Через пару недель новый вызов, на этот раз надолго, поэтому все будет оформлено переводом в другую часть. Если не вернется, никто не хватится, даже в приказе не помянут.

Куратор подтвердил – Россия. Рассказал и о том, почему выбрали именно его. Не за происхождение и знание языка, в небе не до разговоров...

Вернувшись из второй командировки, Лейхтвейс уже собирался обратно в полк, когда внезапно был вызван в Кенигсберг. Два часа на сборы – и пустой транспортный «Юнкерс». Вылетели поздно вечером, над целью оказались в полночь. Приказ прост: совершить посадку, ориентируясь по сигнальному костру и эвакуировать человека. Ранец без особого труда поднимал двоих, но имелся риск, что сигнальный костер будет чужим. На этот случай к черному блину прикрепили взрывное устройство. Дополнительная кнопка – на поясе.

Черный зев люка, яркая точка костра.

– Пошел!

Он проскользнул между темных крон и завис над поляной. Внизу костер, рядом с ним – три черные тени. Палец левой руки прикипел к кнопке. Если не услышит отзыв – свечкой в темное небо, а там уже как повезет.

Он крикнул: «Рейн!» и замер, стараясь не дышать. «Эльба!» – ответила земля. Голос хриплый, сорванный и очень усталый.

Лейхтвейс приземлился на самом краю поляны. К костру, где его могли разглядеть, подходить не стал, махнул рукой. Двое остались на месте, подошел третий, не слишком молодой, в мундире, но без погон и головного убора. Форма поначалу показалась незнакомой, не Вермахт и не Красная армия. Рука перевязана, пистолет в руке.

Обратный маршрут оказался куда труднее – и много дольше. Человека он пристегнул ремнями – спереди, сзади мешал ранец. И сразу же перестал видеть. Сигнальные костры на большой поляне – ровный треугольник – нашел почти случайно, и только узнав голос пилота, снял палец с кнопки. В салоне «Юнкерса» они со спасенным сидели на противоположных скамьях. Никто не сказал ни слова.

«Разбор полетов» в фанерном домике на лесной поляне начался неожиданно. Куратор молча положил на стол маленький кусочек ткани с белой окантовкой. Поглядел в глаза.

– Остальное получите, когда начнется война.

Только тогда Лейхтвейс сообразил. Орденская лента – Железный крест 2-го класса. В мирное время им не награждают.

...начнется война...

А потом они работали с картой, и ему вновь довелось удивиться. Лейхтвейс считал, что садиться пришлось в Польше – именно польский мундир был на спасенном им офицере. Оказалось не так, точнее не совсем так. Маленький лесной аэродром (костры – ровным треугольником) находился на польской территории, но лететь туда пришлось из СССР.

Все стало на свои места. Газеты уже не первый день писали о боях в Вайсрутении между польскими диверсантами и большевистской армией. Кого именно довелось вытащить, куратор не сказал, но Лейхтвейс догадался: спасали конечно же не поляка. На том разговор и закончился. Карл Иванович пожал подопечному руку и велел готовиться к новой командировке, парижской.

Незримое и вездесущее командование не забыло удачливого «марсианина». Новая командировка в СССР – тоже своего рода награда.

Лейхтвейс улыбнулся, вспомнив разговоры сослуживцев о скалах, восхождениях и прочей горной романтике. Гефрайтер Вилли Банкенхоль мечтает попасть в заветную «категорию шесть». Заснеженные вершины – это, конечно, очень романтично, но над ними небо. Значит он, горный стрелок Таубе – «категория семь».

А еще он решил завтра же написать куратору об Испании. Его сослуживец прав, случайностей не бывает. Вероятно, итальянцы направили туда не только скалолазов.

– Не думайте, что мы с Муссолини союзники навек, – обмолвился как-то Карл Иванович. – Тироль итальянцы нам до сих пор не отдали...

Поезд начал замедлять ход. За окном ровной стеной встали высокие старые пинии, за ними – домики из кирпича-сырца под красной черепицей. Семафор, водокачка, вагоны на запасном пути...

– Приехали! – встрепенулся конвоир, поправляя фуражку. Но тут же погрузтел.

– В Эболи приехали. А дальше – как при Ринальдо Ринальдини, на перекладных. Хорошо если засветло доберемся.

Второй конвоир, постарше и посolidнее, ограничился глубокомысленным кивком.

Служивые попались не слишком вредные. Тот, что помоложе и поразговорчивей, даже взял на себя заботу о княжеском чемодане. Дикобраз и сам бы справился, но в наручниках выходило не очень ловко.

Зайти домой – попрощаться и собрать вещи – не разрешили. Пришлось писать короткое письмо, надеясь, что матушка Джина, домоправительница и многолетний ангел-хранитель, сама разберется, что к чему.

Фибровый чемодан средних размеров, пальто и шляпа – вот и весь багаж. Принесенный из дому зонтик князь попросил отправить обратно. А вот книги взять не разрешили – даже маленький молитвенник в кожаной обложке, спрятанный домоправительницей на самом дне чемодана. «Закон есть закон, извините, синьор Руффо!»

Итак, в путь отправились два охранника при оружии, один князь и пара наручников. Разговорчивый конвоир, ехавший этим маршрутом не впервые, был изрядно расстроен: думал провести выходные в Риме, а теперь придется совать нос в места, где без хорошей охраны и показываться боязно. По словам знающих людей, в тамошних селах и сегодня думают, что Южной Италией правят Бурбоны. А разбойники ничего не думают, как грабили спокон века, так до сих пор не угомонятся.

Поезд принялся тормозить. Конвоир пододвинул поближе княжеский чемодан, без всякой надежды поглядел на близкую платформу.

– И буфета у них нет!

Тот, что постарше, вновь промолчал, но поглядел в сторону станции весьма кисло.

Князь отнесся к предстоящему путешествию философски. Хоть и на перекладных, а когда-нибудь доберутся. По поводу же разбойников имел свое мнение: лучше уж Ринальдо Ринальдини, чем полковник Строцци. И кому нужен пожилой, изрядно потрепанный жизнью Дикобраз? Вот синьор Бенито Муссолини – совсем другое дело.

* * *

«В Военно-морском министерстве...». Дуче тоже собрался путешествовать, причем с комфортом – на флагмане итальянского флота «Джулио Чезаре», о чем и сообщила заметка в тонкой четырехугольной рамке. Князь прочитал и удивился. Персоны такого масштаба обычно посещают маневры, однако ни о чем подобном в газете не говорилось. А между тем, главные силы флота с прошлого года стоят на Балеарских островах – вовсе не итальянских, а испанских. В ответ на протесты обоих испанских правительств, и «белого» и «красного», Министерство иностранных дел Италии обещало непременно вывести флот и десантные части с Балеар, однако назвать точные сроки не считало возможным. Итальянские стационары – крейсер и миноносцы – находились также в гавани Валенсии, якобы для охраны линий коммуникации. Каких именно, не уточнялось.

Князь сложил два и два: Дуче и флот с одной стороны, провал переговоров в Лиссабоне между «красными» и «белыми» испанцами – с другой. А еще можно вспомнить, что в речи Чезаре-Мария де Векки о будущей Большой Италии испанские территории, в отличие от Корсики и Корфу, не упоминались.

«И тогда весь мир содрогнется!..» – пригрозил бывший капрал Кувалда в их последнюю встречу.

* * *

Обещанные говорливым конвоиром «перекладные» начались с еще одного поезда, но уже маленького, на три вагона: два пассажирских и грузовой. Успели вовремя, паровоз уже нетерпеливо дергался, выпуская из трубы горький серый дым. Привычных дверей у вагонов не оказалось, пришлось забираться через тормозную площадку. Наручники изрядно мешали, и князя втащили внутрь чуть ли не за ворот.

– Вагоны старые, – сообщил служивый несколько виноватым тоном. – С прошлого еще века. Здесь, синьор, время вроде как вспять идет.

Князь оценил сказанное. Вероятно, дальше придется добираться на дилижансе... Сама же мысль показалась вполне здоровой. Из Италии синьора Муссолини в прошлый век, оттуда – к неаполитанским Бурбонам, дальше Средневековье с замками и рыцарями, в самом же финале – пещерный город.

Вагон тронулся. Время неспешно поползло назад.

8

Высокий кирпичный забор, железные ворота, возле них – барак, тоже кирпичный. В нем комендатура: караулка, гауптвахта, офицерские квартиры. Прямо за ним посыпанный шлаком плац – сто метров на сто. Дальше – казармы, такие же бараки, только побольше. И, наконец, учебное поле: беговые дорожки, окопы, блиндажи, полоса препятствий. Вот и весь полк, мир не слишком большой, замкнутый и скучный.

– Раз-два! Раз-два! Левой, левой!..

Строевой занимались по отделениям. Командовал унтер-офицер, не вредный, в отличие от господина гауптфельдфебеля, но уж очень старательный. Издалека его можно было принять за деревянную куклу на шарнирах, даже поворачивался он с легким, но хорошо различимым скрипом. Ошибки подчиненных унтера не злили, но искренне огорчали.

– Пр-р-равое плечо вперед! Отставить! Плохо, очень плохо. Показываю еще раз!..

Пыль глотать не приходилось, выручал шлак, но зато от июньского солнца спасения не было. Пот тек из-под кепи, под мышками проступали темные пятна, сапоги превратились в жаровни с углями.

– В колонну по три! Отставить! Еще раз!.. Равняйся! Смир-р-рно! Вольно... Отставить! Команда была «вольно», а не «разойдись». Смир-р-рно! Вольно...

Хорошо глядеть, как солдат идет!

– А иначе нельзя, – пояснил Лейхтвейсу куратор. – Солдаты не должны думать, они обязаны подчиняться. Иначе будет как на русском фронте в 1917-м, станут проводить митинги с голосованием перед каждой атакой. Война, если задуматься, противоречит человеческому разуму. Тем не менее воюем – и будем воевать.

– Отделение! Смир-р-рно! Левое плечо вперед! Шаго-о-ом...

Нога в тяжелом сапоге зависла в воздухе, готовая врезаться в рыжий шлак. Подметка параллельна земле, правая рука у пряжки, левая отведена назад...

– Отставить! Горный стрелок Таубе! Напра-а-во! Выйти из строя! Отставить. Таубе, ну я же вам показывал!..

Унтер-офицер уже не один, рядом с ним другой, тоже унтер, однако незнакомый, кажется, из соседней роты. Ростом невысок, крепок, жилист – и молод, Лейхтвейса немногим старше.

Поглядел внимательно, словно портной на заказчика.

– А ну-ка отойдем!

Неуставную команду Лейхтвейс выполнил строевым – чтобы своего унтера не огорчать.

* * *

Поговорили в курилке, возле самого забора. Две урны, между ними истоптанная площадка, а на площадке – никого. Утро, личный состав на занятиях.

Унтеру распорядок дня – не указ. Достал сигареты, протянул пачку.

– Спасибо, не курю, – отказался Лейхтвейс, немало удивляясь. Субординация, как известно, душа службы, а тут какой-то унтер вмешивается, срывает строевую подготовку. Вероятно, унтера бывает разные, обычные и не очень.

– Правильно, что не куришь, – рассудил не очень обычный и закурил сам. Сделав пару затяжек, вновь поглядел портновским взглядом.

– Каким спортом занимался?

– Легкая атлетика и...

Скрывать не имело смысла, в документах все есть.

– ...И планеризм. Третье место в чемпионате страны в позапрошлом году.

После чемпионата его и направили в команду «марсиан». Из неба – в небо.

Не очень обычный унтер кивнул, подумал немного:

– Годишься. Тебя Николас зовут? Я – Фридрих Рогге. Если не в строю – обращай по имени, только «Фрицем» не называй, мне не по душе. С этого дня будешь в моем подчинении. Команда «А», слышал?

И тут Лейхтвейс удивился по-настоящему.

– Но, господин унтер-офицер!.. То есть Фридрих. Команда «А» – скалолазы, настоящие. А я даже не знаю, что такое «хапала»!

Горные стрелки занимаются тем, чем и положено по уставу (раз-два! раз-два!). Но кому-то надо уметь то, что обычному бойцу не по силам. Командир части полковник Оберлендер, сам альпинист не из последних, без особой огласки собрал лучших из лучших. У них был свой устав. О том, чем именно занималась Команда «А», рассказывали разное. Тренировались – но не только тренировались.

– Хапала – большая удобная зацепка, – очень спокойно объяснил Фридрих. – Технику, Николас, быстро освоишь. Не это главное. Мы, конечно, скалолазы, только нам не всякий подойдет, даже из «категории шесть». Спорт – еще не все. Вот представь, Николас... Ты настоящий профессионал, ты решаешь проблему... То есть идешь по маршруту. Готовился целый год, деньги занимал, собирал снарягу, в карты носом тыкался. Для тебя победа – всё. И тут кто-то чужой, тебе даже незнакомый, в берг свалился и ногу сломал. Не поможешь ему – насмерть замерзнет. Твои действия?

Лейхтвейс даже думать не стал.

– Естественно, помогу!

Не очень обычный унтер усмехнулся.

– Не быть тебе настоящим спортсменом, Николас! Знаешь, это очень хорошо.

И протянул ладонь. Пожал крепко, до боли, и только тогда Лейхтвейс понял, что солгал. Он тоже профессионал – летчик-испытатель черного марсианского ранца. Если надо выполнить задание, он выполнит – даже если придется бросить кого-то посреди неба.

Или все-таки нет? Не бросит?

9

Вместо дилижанса был автобус – нелепая темно-красная коробка, каким-то чудом установленная на четыре узких колеса. Ждать пришлось больше часа в компании старухи, везущей большого рыжего петуха, посаженного в плетеную корзину. Тому было тесно и скучно, и он не переставал возмущаться, косясь на людей блестящим черным глазом.

Втиснулись с немалым трудом. Автобус, делавший, как выяснилось, две поездки в день – туда и обратно, оказался переполнен. Мужчины в кепках, женщины в черных платках, двое тощих словно жерди священников в шляпах-сатурно, куры в корзинах, кот у кого-то на плече. Многие курили, поэтому несмотря на открытые окна, дышалось трудно. Дорога была почти пуста, лишь время от времени автобус обгонял медленно бредущих осликов. Князь им посочувствовал – они тоже шли под конвоем.

А за давно не мытым окном – одно и то же: холмы, пожелтевшая от жары трава, кусты, редкие деревья – и худые скучные овцы.

Наша Африка...

Дикобраз запоздало упрекнул себя за то, что не был до конца честен в разговоре с бывшим капралом. «Ты не хуже меня знаешь, что настоящая Италия – только до Рима». Следовало возразить – или согласиться, но князь предпочел не услышать. В глубине души он и сам так думал. История идет на Севере, а здесь, среди холмов и кустарника – вечные овцы. Мечта историка, как говаривал дед.

Он пытался доказать самому себе, что не прав, но пейзаж за окном был куда красноречивей.

Пятого осла перегнать не успели. Автобус, недовольно фыркнув, затормозил, и конвоир, тот, что помоложе, взялся за княжеский чемодан.

– На выход с вещами! – вздохнул он без малейшей радости. – Нас тут встретить должны, до Матеры еще километров двадцать.

– Не сглазь, – внезапно вмешался молчун. – Помнишь, что в прошлый раз было?

Повезло – не сглазил. У обочины возле большого черного авто скучал мужчина, тоже в кепке и тоже с папиросой в зубах. Увидев, оживился, махнул рукой.

– Сюда, синьоры!

Автобус укатил, поднимая тучи пыли, люди и осел поглядели ему вслед. Затем княжеский чемодан долго и основательно привязывали к багажнику на крыше. Машину, как сообщил шофер, прислал городской подеста. Не из чувства гостеприимства, а просто потому, что иначе до Матеры никак не добраться, разве что конфисковать все того же осла.

Теперь вместо холмов за окном были горы: пологие склоны, поросшие редким лесом, над ними – острые каменистые вершины. Князь вспомнил фотографии из книги о пещерных городах. Очень похоже, хотя на снимках не Италия, а Каппадокия. Дорога стала заметно уже, машину время от времени сильно потряхивало, зато ослы стали попадаться заметно чаще. Город был уже близко.

Затем начался подъем, сперва очень пологий, почти незаметный. Горы подступили ближе, возле обочин то и дело попадались тяжелые неровные глыбы, во времена давние и не очень скатившиеся со склонов. Потом дорога резко пошла вверх. Автомобиль, протестуя зарывав, без всякой охоты пополз вперед.

Наконец, подъем кончился. Дорога резко вильнула, горный склон остался слева, справа же за редким строем деревьев показался глубокий обрыв. А впереди, упираясь в небосвод, высилась громадная серая скала, увенчанная зубчатой крепостной башней.

– Матера! – сообщил шофер.

Моя Земля встречала гостей.

Глава 3

Князь Интерно

Скалы. – Альянико греко. – Оршич. – Тиритомба и Гамбаротта. – В «Подкове». – Склоны и вершина

1

В книжках про благородного разбойника Лейхтвейса все было просто и понятно: герой и его друзья сражались против шайки гнусных негодяев, которые обижали девушек и заставляли крестьян отдавать последние медяки. Перелистывая страницы, Коля Таубе за героя переживал, негодяев же искренне ненавидел. Но однажды он попытался представить, что все происходит не в далекой Германии, а здесь, в СССР. Мысленно передел негодяев в милицейскую форму, героя, вручив обрез, посадил на тачанку с пулеметом, абстрактные же медяки обернулись несданной продразверсткой... Вышло плохо, хуже не бывает. Отец полгода воевал на Тамбовщине, дядю, тоже бывшего офицера, убили махновцы. В Лейхтвейсе Коля не разочаровался, но книжки больше не перечитывал.

В жизни все оказалось еще сложнее. Вождь Красной армии товарищ Троцкий внезапно стал каким-то «уклонистом», а потом и вовсе врагом, журнал «Дружные ребята» переименовали, потому как дружить с кем попало уже нельзя, из Германии, где жили папины родственники, перестали поступать письма. А потом застрелился Владимир Маяковский – тот самый, под чью песню они маршировали в школе. «Возьмем винтовки новые, на штык флажки! И с песнею в стрелковые пойдем кружки. Раз, два!..»

«Термидор», – говорил отец. Слово было незнакомым, рычащим и очень неприятным. В книжках говорилось, что это летний месяц по французскому календарю, но слово все равно пугало. Во Франции Термидор убил Робеспьера и Сен-Жюста. Дома же все чаще говорили об арестах, отец сжигал бумаги и старые письма, а потом перестал ходить на службу – красного командира уволили без объяснения причин. Термидор уже стоял за дверью.

После ареста отца мать прожила недолго, не выдержало сердце. Уже в интернате сын врага трудового народа Таубе задумался о том, что Лейхтвейс, даже с обрезом и на тачанке, может быть и прав. Родина и народ – это одно, Сталин и Термидор – совсем иное.

То, что школа в Тильзите непростая, Лейхтвейс понял быстро. Кроме обычных предметов – спортивные секции, а для него и еще одного мальчика-эмигранта – индивидуальные занятия по русскому языку. Германия бурлила, рушились правительства, на улицах коммунисты-тельмановцы насмерть дрались с штурмовиками, но в школе было тихо. Даже с приходом Гитлера к власти мало что изменилось. Никто не заставлял вступать в Гитлерюгенд, книги Аркадия Гайдара, официально изъятые из библиотеки, по-прежнему выдавали, если попросить. Про СССР на уроках рассказывали много, причем не только плохое.

– А разве я смогу быть разведчиком? – удивился Лейхтвейс на собеседовании. А потом и сам удивил будущего куратора. Когда тот намекнул, что работать придется против России и Сталина, Николай Таубе даже не дослушал до конца.

– Против Сталина – значит за Россию!

Благородный разбойник бросил вызов Термидору.

* * *

Скала вызывала уважение – отвесная, ровная, она вздымалась вверх неприступной монолитной стеной. Гребень, острый, словно копейный наконечник, можно было разглядеть, лишь

задрав голову. Лейхтвейс даже не представлял, что такое есть всего в трех километрах от ворот части. Сначала по шоссе, затем налево по грунтовке – и вверх, по узкой горной тропе.

Обошлись без машины. Кружка воды каждому – и марш-бросок. Лейхтвейсу, как новенькому, выдали рюкзак, пообещав забрать, как только тот устанет. Фридрих держался рядом, поглядывая время от времени, но «марсианин» делал вид, что не замечает.

Доташил! И даже на землю не бросил – снял и отдал командиру. Тот кивнул, словно и не ожидая ничего иного.

И снова – кружка воды. Пять минут на земле, лицом в горячее небо. Травинка в зубах, горное кепи греет затылок...

– Стр-р-ройся!

Двенадцать человек, командир – тринадцатый, дюжина, но чертова. Лейхтвейс, не низок, не высок, точно посередине. Дальше ожидаемо – представление новичка, без всяких комментариев, только имя и фамилия. На этом устав и кончился, даже команды «Разойдись!» не было. Фридрих махнул рукой:

– Работаем!

И шагнул к одному из рюкзаков, откуда появился на свет моток прочного шнура. Другие, тоже зная, что делать, разобрались по парам, взялись за рюкзаки, кто-то уже успел снять с плеч мундир. Лейхтвейс, решив не мешать, отошел в сторону. Там и нашел его гефрайтер Вилли Банкенхоль. Поглядел на скалу, улыбнулся белозубо.

– Осилишь?

«Марсианин» представил, как он взлетает вверх, к каменному гребню. Правая рука – вверх, левая – раскрытой ладонью вперед, ноги сжаты. На самом верху – на всякий случай расстегнуть кобуру...

И что ответить?

– Когда-нибудь – наверняка.

Банкенхоль кивнул:

– Верно рассуждаешь. Пока все это – не для тебя. Начнешь с учебной стенки, она у нас на полигоне. А сегодня просто смотри и слушай. А потом я на вопросы отвечу. Считай, мы с тобой в паре.

Лейхтвейс рассудил, что охотно обменял бы Цаплю на нового напарника. Летать бы научил за месяц. И все равно, в происходящем имелось нечто странное, понятное не до конца...

Двое парней между тем уже на скале – раскатанные по серому камню лягушки, однако живые и очень резвые. Выше, выше, еще выше...

Полк был непростым не только по названию. Лейхтвейс знал, что берут в него только уроженцев немецкого юга – из Баварии и Вюртемберга. Не всех подряд, только спортсменов и жителей горных деревень. В последнее время появились и австрийцы, парни крепкие, знающие скалы с детства. Потому и гоняли народ по плацу (раз-два! раз-два!). Простую «стенку» одолеть мог практически каждый, а вот с дисциплиной горцы не дружили. Это в Пруссии «орднунг» превыше всего.

В Команде «А» собраны стрелки из разных подразделений. Лучшие из лучших? Но Фридрих Рогге не зря намекал насчет «профессионалов». Команде нужны не просто спортсмены.

...Одна лягушка уже на маленьком каменном уступе, вторая ползет выше, ее почти не видать. Те, что на земле, вверх не смотрят, своими делами заняты. «Снаряга» уже выгружена, народ разбился по парам, старшой Фридрих что-то чертит в маленьком, с пол-ладони блокноте.

Скалолазом Лейхтвейсу не стать, времени не хватит. Но его все-таки взяли.

– Что-то неясно? – негромко поинтересовался Банкенхоль. «Марсианин» пожал плечами.

– Может, я ошибаюсь, так ты поправь. Вам нужны не только скалолазы. Кому-то лезть наверх, кому-то на земле оставаться. Скажем, с пулеметом. Надежному, чтобы сомнений не было.

Гефрайтер взглянул с интересом.

– Разбираешься. Но пулемет почти каждый освоит. А вот русский знают не все – в России не каждый бывал. А еще очень важно, чтобы этот «кто-то» умел язык за зубами держать. Полковнику за тебя поручились.

Теперь все стало действительно ясно. В Рейхе пулеметчику работы пока нет. Но мир велик. «Спортивная делегация. Мир, дружба, сотрудничество!»

– А испанцы в команде есть?

Вилли усмехнулся.

– Пока, к сожалению, нет, но скоро двух парней в полк направят. Не испанцы, однако язык знают.

Поглядел наверх, прищурился – и шепотом:

– А ты, Таубе, в Испании уже работал?

Лейхтвейс тоже поглядел на юрких скальных лягушек.

– Догадайся!

* * *

– Разведка мирный договор не подписывает, – заметил как-то Карл Иванович. – Большевики рассылают по всему миру не только шпионов, но и диверсантов. В Польше их отряды воевали до середины 20-х, естественно под видом местных партизан. Мы тоже не забывали чешские Судеты и польскую Силезию. Точно по Гоббсу – война всех против всех.

Говорили, как и обычно, по-русски. Немецкий – он больше для докладов.

– В 1934-м были убиты австрийский канцлер Энгельберт Дольфус и министр внутренних дел Польши Бронислав Перацкий.

– Не только, – вспомнил Лейхтвейс. – Еще Киров, Луи Барту и король Александр.

Карл Иванович бледно улыбнулся.

– Урожайный был год. Работали без выходных. Так вот, Николай, даже в нашем аду есть строгие правила. Главное из них – адекватный ответ. Первыми начинать не принято, моветон. Русские послали террористов в Польшу в ответ на рейды Булак-Балаховича и были правы. Дольфус подписал несколько смертных приговоров, как и Бронеслав Перацкий. Пришлось отвечать. А правило второе – не устраивать вендетту. Дуэль есть дуэль, получил ответ – и распишись. Иначе в дело вступит армия. Догадываетесь, зачем я вам все это рассказываю?

Загадка была простой. Лейхтвейс уже готовился к парижской командировке.

– Французы применили марсианский ранец? Против Рейха?

Куратор взглянул строго.

– Думаете, я отвечу? Нет, Николай, ответите вы. Причем адекватно.

В небе над Парижем Лейхтвейс был спокоен. Не он начал войну.

* * *

Веревка упала с карниза, где свила гнездо одна из лягушек. Банкенхоль подошел ближе и поманил Лейхтвейса.

– А ну-ка взгляни. Что это, по-твоему?

Николай Таубе вспомнил школу. Хемницер, басня «Метафизик»: «Веревка! – вервие простое!». Но не в данном случае.

– Манила или конопля?

– Манила, крученая, хорошо держит рывок, – гефрайтер взялся за веревку и поглядел вверх. – Я уже говорил: на скалу тебе еще рано. И сейчас поймешь, почему. А ну-ка, Николас, попробуй подняться, метра на два, не выше, допустим, во-о-он к той щели. Говорю сразу:

главная ошибка – ноги. Не то, что они у тебя есть, а то, что ты их не используешь. На скале одних рук мало.

Лейхтвейс вспомнил, как учил Цаплю воздушному бою. Сейчас он наверняка сделает все неправильно. И это даже хорошо, опасно ощущать себя лучшим.

«Скромнее, мой Никодим!»

2

Сначала он увидел реку, текущую на дне огромного каменного ущелья. В незапамятные дни земная плоть в этом месте была рассечена неведомой силой, края разошлись, и уже ничто не смогло бы вернуть их на место. Время залечило рану, но вечный шрам остался. Одна сторона ущелья отвесна и пуста – серый камень и зеленые пятна травы. Другая, вначале чуть более пологая, когда-то вздымалась вверх неровной тяжелой горой. Но теперь гора исчезла, скрытая желтой черепичной чешуей. Дома облепили ее со всех сторон, не оставив и малого пятна. Глина победила камень. Над крышами – острые иглы кампанил¹¹, чем дальше по склону, тем выше, и венцом всему – древняя зубчатая башня. Город уже не вмещался на склоне, дома расплзлись во все стороны, потекли вниз, к дороге, склон же прорезали каменные террасы, увенчанные зелеными кронами садов. Иные города имеют форму, Матера, Моя Земля, изда- лека напоминала растекшуюся по склонам вулкана лаву.

В первый миг князь был разочарован. Башня, крыши, кампанилы – и ни следа пещер. Обычный старый город, каких полно в прекрасной Италии. На них надо смотреть только изда- лека – вблизи эти каменные соты под черепицей далеко не столь красивы. Жить в них не стоит, уж лучше снять лачугу в самой худшей римской трущобе.

– Не вздумайте поселиться на горе, синьор, – шофер словно услышал его мысли. – У них там, что в Кавезо, что в Баризано, воды нет, только дождевая, в цистерны собирают. О-о! Сейчас, в жару, даже по улице не пройти, вонь, хоть нос затыкай. Клоака, иначе не скажешь. Если у вас деньги имеются, снимите комнату где-нибудь на террасе.

Князь, поглядев на уже близкие черепичные крыши, вспомнил рассказы деда. Плохо жили предки!

– Да, в Матере чем выше, тем хуже, – согласился говорливый конвоир. – Только наш синьор – интерно, а их подеста наверх отправляет, чтоб под рукой находились.

Дикобраз хотел было поинтересоваться своим новым званием, но служивый пояснил сам.

– Это от правовой безграмотности, синьор. «Административный ссыльный» звучит скучно, то ли дело «ин-тер-ни-ро-ван-ный». Подеста себя аристократом мнит, а сам сын сапож- ника, трех классов не закончил. Услышал красивое слово – и носится с ним. Народ и подхватил, только обрезал слегка, чтобы язык не сломать.

– Да, подеста наш не фрукт. И даже не овощ, – поморщился шофер. – Сказал бы, кто именно, так неудобно перед культурными синьорами. А ведь он из честного рода, пусть и сапожники, но достойные люди... Недавно новый приказ отдал: с такого дня, с такого-то часа всем интерно меж собою общаться категорически запрещено. Раньше это только коммунистов касалось, чтобы, значит, пропаганду не вели. А теперь каждый интерно – вроде как чумной. Кто против, того сразу на карандаш – и бумагу в Рим. Так, мол, и так, злостное нарушение условий ин-тер-ни-ро-ва-ни-я. И это у нас, в Матере!

Князю представилось невозможное: здешним подестой назначен лично Бенито Муссо- лини. Интересно, нашли бы они общий язык? Может быть, и да. «Что б тебя бесы разорвали, мальчишка!...» Орать бывший капрал, конечно, горазд, но если и зол, то без перебора. Все-таки он, Алессандро Руффо ди Скалетта, до сих пор жив...

¹¹ Кампанила – колокольня.

– Обратно подбросите? – с надеждой в голосе поинтересовался говорливый конвоир. Шофер на миг задумался и покачал головой:

– Не смогу. Мне еще супругу подесты кой-куда свозить требуется. О-о! Эта уж свое возьмет, ничего не упустит. У ее родителей было три осла, один из них – наверняка ее настоящий папаша... Да и на автобус вам не успеть.

Служивые помрачнели.

– Переночевать здесь можно. Чуть дальше – гостиница, ее для туристов строили. За, прошу прощения, унитазами, в Неаполь грузовик гоняли. Правда, туристов как не было, так и нет.

Авто въехало в предместье, самое обычное, больше похожее на деревню, чем на город. Каменные заборы, зеленые сады, ослики с поклажей прямо посреди дороги. Обогнав очередного, с хворостом на горбу, машина вырулила на пустырь. Дома кончились, слева и справа лежали груды неровно околотых камней, а прямо из земли торчало что-то очень древнее, сразу напомнившее князю руины римских терм. Дальше начинался резкий подъем, куда вела уже не дорога, а тропа.

– Наверху – Кавезо, – шофер остановил машину и выключил мотор. – Отсюда – только пешком, не всякий осел вверх взберется... Удачи вам, синьор интерно! А с подестой, уж, пожалуйста, будьте осторожней.

Их встречали. Прямо возле руин скучал некто в форменной черной фуражке и плащ-крылатке. Прежде чем выбраться из машины, князь собрал воедино все слышанное и виданное, взвесил и разделил.

Мене, мене, текел, фарес...

– Синьоры, – обратился он к служивым. – Вы, как я понял, уже никуда не торопитесь?

* * *

Без наручников стало совсем хорошо. Снял их тот, что постарше, молчаливый. Говорун был при деле – показывал бумаги человеку в плаще. Шофер топтался рядом, очевидно ожидая распоряжений.

Дикобраз размял запястья и с удовольствием пошевелил пальцами. Благодать! Как мало нужно человеку для счастья! Между тем служивый, пристегнув наручники к поясу, быстро оглянулся и сунул руку в карман.

– Ваша книга, синьор.

На ладони – молитвенник в кожаной обложке. Князь улыбнулся:

– Спасибо!

Спрятав книгу, поглядел на того, кто их встречал, уже внимательно. Годами не молод, чином невелик, ликом бледен, зато носом изрядно красен.

– Секретарь муниципалитета, – подсказал конвоир. – У подесты на посылках.

– Надеюсь, не язвенник?

Служивый чуть задумался, но ответил твердо:

– Потребляет.

Шофер остался на месте, Красный Нос и говорливый направились к машине. Дикобраз расправил плечи... Нет, не Дикобраз. Его светлость Алессандро Руффо ди Скалетта!

«Князем вы себя ощущаете только при общении с правоохранительными органами», – очень верно заметил Антонио Строцци. Каждому дикобразу – свои иглы.

– Добрый день! – уныло, без малейшего выражения, проговорил Красный Нос. – Я Луиджи Казалмаджиоре, секретарь муниципалитета нашей коммуны. А вы, как я понимаю...

Бывший берсальер широко улыбнулся:

– Обойдемся без титулов. Просто «князь». Руффо ди Скалетта, из северных Руффо.

Сам же мысленно посочувствовал Красному Носу. Легко ли жить с фамилией в семь слогов? Неудивительно, что потребляет.

Казалмаджиоре (Ка-зал-ма-джи-о-ре) заглянул в документы, шевельнул губами. Подумав немного, почесал в затылке.

– Все верно... князь. Уж извините, мы на ваш счет особых разъяснений не получали.

– А и не надо, – Руффо-северный легкомысленно махнул рукой с красной полоской на запястье. – Где тут ваша гостиница? Которая для туристов?

* * *

– Альянико! – все еще твердым голосом заявил Красный Нос. – Его надо всенепременно испробовать. У нас тут, синьоры, не просто альянико, а альянико греко с виноградников горы Вультуре. Лучшего во всей Лукании не найдете. А все прочее, я вам скажу, баловство.

– А г-граппа? – заикнулся было говорливый конвоир. – Мне эта кислятина, признаться не очень.

Казалмаджиоре укоризненно покачал головой.

– Вы еще не пробовали здешней граппы, синьор. Не рискуйте своей молодой жизнью. У нас в городе два врача, спросите любого из них.

Спор грозил затянуться, и князь, протянув стоящему рядом хозяину купюру покрупнее, указал взглядом на стол. Тот понимающе кивнул и растворился в полумраке.

При гостинице, как и думалось, имелся ресторанчик, небольшой, совершенно деревенского вида, но очень уютный. Там и расположились, заняв большой угловой стол. Красный Нос сперва порывался отправиться к начальству с докладом, но князь наставительно заметил, что еще не определился с временем аудиенции. Казалмаджиоре осознал и покорился обстоятельствам. Потребил – и достаточно быстро принялся розоветь. Служивые, народ крепкий, вид не переменили, но заметно обмякли. Дикобраз, вспомнив фронтовые навыки, также оставался бодр. Дождавшись пока на столе появится очередная тяжелая бутылка, он наполнил глиняную рюмку и встал.

– Друзья! Позвольте пару слов.

Несколько секунд подождал, прикидывая стоит ли рисковать. Усмехнулся и решил: пусть. Княжить – так на полную катушку!

– Прежде чем мы выпьем, хочу рассказать одну забавную историю. В XVI веке мои предки поссорились с испанским королем. Кто был прав, а кто нет, уже и не скажешь. Но сохранился указ, согласно которому Его Католическое Величество взял под свою руку владения Руффо в Южной Италии. Потом они помирились, король повелел все нам вернуть, однако началась война, и часть своих земель мы так и не получили. С тех пор прошло почти три века, все забылось, но закон есть закон. Согласно ему, я, старший из северных Руффо, имею полное право именоваться князем Руффо ди Скалетта ди Матера.

И с превеликим удовольствием выпил. Присел и понял, что с удовольствием бы закурил. Вокруг было тихо, но вот послышался не слишком уверенный голос младшего из конвоиров:

– А-а... А документы сохранились?

Князь ди Матера снисходительно усмехнулся.

– Даже в двух экземплярах. В семейном банковском сейфе – и в архиве Неаполя. Кстати, мой дед подсчитал, сколько задолжало нам итальянское правительство за эти века. Не то, чтобы очень много, но на линкор вполне хватит.

Пока за столом переваривали новость, князь подумал о другом линкоре, не выдуманном, настоящем. «Джулио Чезаре», итальянский флагман – и Кувалда на флагмане. Дуче любит символы, значит его цель – на море. Порт? Военная база? Испанские стационары стоят в Валенсии... Задумался и не заметил, как на стол опустилась еще одна бутылка, куда тяжелее предыдущей. Оглянувшись, увидел непроницаемое лицо хозяина. Тот был уже не один, рядом, поглядывая куда-то в сторону, стояла почтенного вида синьора, наверняка супруга, а из-за стойки косила глазом юная черноволосая синьорина. Заметив княжеский взгляд, смутилась, но ненадолго. Выпрямилась, расправила плечики, улыбнулась...

Покойный доктор Геббельс был уверен, что задачи пропаганды решает радио. В Матере он бы остался без работы.

– Эх, если помечтать! – конвоир, тот, что постарше, откинулся на спинку деревянного стула и внезапно улыбнулся. – Я бы к вам, синьор Руффо, пошел на службу. Подтянуть бы надо здешних бездельников. А в этом Риме – никакой карьеры!

3

Обложка в три краски: черная туша планетобуса на фоне синей планеты, а вокруг зеленые многолучевые звезды. Буквы тоже черные, не готические, но стилизованные. Большие, точно посередине: «Капитан Астероид», чуть ниже и мельче: «против звездных пиратов». И «Перевод с английского», совсем мелко. Ни автор, ни переводчик не указаны, издано в Лейпциге в прошлом году.

Лейхтвейс отложил в сторону тощую книжицу. Больше в полковой библиотеке брать было нечего. Пропагандистские брошюры, пыльные тома по военной истории и сразу несколько изданий «Майн Кампф». Думал найти что-нибудь про горы, однако не получилось – было, но уже забрали. Он в очередной раз помянул наглую Цаплю, из-за которой лишился выходного – и неведомой интересной книги из библиотеки Абверштелле. Очередной опус про Спасителя Галактики читать было совершенно невозможно. «О, полюби меня, полюби! – страстно застонала красотка Кэт, расстегивая пуговицы на скафандре...»

Казарма, двухъярусные железные койки, желтый электрический свет. До отбоя полчаса, маленькое свободное окошко. Сосед рядом очень занят – строчит очередное письмо. Одно уже готово, лежит прямо на одеяле. Все прочие тоже при деле, на койке, что слева, играют в шахматы, чуть дальше трое скалолазов горячо обсуждают чье-то недавнее восхождение, поминная хапалы, мизера, насос и рукоход. Кто-то уже прилег, накинув на голову одеяло. Еще один армейский день позади.

– А ты, Таубе, никогда писем не пишешь, – внезапно проговорил сосед, откладывая в сторону блокнот. – Неужели некому?

– Некому? – Лейхтвейс на миг задумался. – Пожалуй, и некому.

Сосед, его погодок, тоже белокурый и тоже спортсмен, брался за блокнот точно по графику – через день. Писал сразу по два письма – родителям и невесте.

– А у тебя девушка есть?

В обычной жизни такие вопросы не задают. Иное дело – армия. О чем еще говорить в казарме? Лейхтвейс хотел было признать очевидное, но внезапно услышал себя словно со стороны.

– Есть!

Сосед повернулся, взглянул удивленно.

– Так чего молчал? Я же тебе все рассказываю!

Все – не все, но о соседской невесте Лейхтвейс был уже наслышан. Прыгает с парашютной вышки, хорошо танцует и прекрасно готовит мюнхенские колбаски. Если не идеал, то где-то близко.

– Она меня старше. У нее синие глаза. И я ей ничего не сказал.

Выговорил, прикусил язык. Поздно! Сосед, парень простой, но очень неглупый, поглядел внимательно.

– Письмо все равно написать можно.

Лейхтвейс кивнул, соглашаясь. Можно. Только некуда.

* * *

– Если бы Ночного Орла не было, его следовало придумать, – сказал Карл Иванович в их последнюю встречу. – Я сам предлагал нечто подобное, только не в масштабах всей Германии.

На такое у меня, признаться, фантазии не хватило. Мы наконец-то смогли увидеть марсианский ранец в действии. Все аспекты: оборона, реакция населения, действия местных властей. Никто оказался не готов, что не удивительно, однако теперь можно подготовить нужные рекомендации. К сожалению, кое у кого в Берлине слабые нервы. Вначале даже хотели все ранцы изъять, но к счастью Геринг не позволил – напомнил фюреру о французах и русских. И это все сделал один человек! Более того, никто не убит и не ранен.

– Но если так... Может, это и были учения? – удивился Лейхтвейс. Куратор развел руками.

– Я и сам о таком подумывал, но факты говорят о другом. Вокруг фюрера сложилось несколько центров власти. Он, человек очень разумный, старается ни с кем не ссориться. Заметьте: ранцы поделили поровну между Вермахтом и Люфтваффе. Но кое-кто все же остался недоволен. Догадались? Да-да, СС, Генрих Гиммлер. И вот каким-то неведомым образом один ранец оказывается у подполья, у Германского сопротивления. Подполье странное, не удивлюсь, если Гиммлер его и создал...

О таком говорить еще не приходилось, по крайней мере, вслух. То, что Абвер и Служба безопасности рейхсфюрера не слишком ладят, понимали многие, но лишний раз Гиммлера предпочитали не помянуть.

– И вот что получилось, Николай. Винават оказался Геринг, поскольку Оршич – его подчиненная. Мы чуть не лишились ранцев, а заодно во многом утратили свободу действия. А Гиммлер на коне, он сумел убедить фюрера, что только СС может его защитить. Подполье тоже выиграло, лучшей рекламы не придумать. Газеты полгода только об Орле и писали... Хотите что-нибудь спросить?

Карл Иванович улыбался, взгляд казался самым обычным, словно разговор шел о приключениях в далекой Африке. «В Шоа воины хитры, жестоки и грубы, курят трубки и пьют опьяняющий тэдж, любят слушать одни барабаны да трубы, мазать маслом ружье да оттачивать меч...» Но Лейхтвейс понимал, по какому узкому краешку шагает.

– Хочу, – решился «марсианин», но спросил совсем не о том, что думал.

– Если Ночной Орел – провокация, почему без трупов? Если бы Роберта Лея сожгли живьем...

Ответный взгляд он выдержал легко. Карл Иванович укоризненно вздохнул.

– Однако вы кровожадны! Думаю, дело в том, что это был первый этап, пробный. Если бы фюрер не поддался, тогда бы дела пошли пострашнее... Николай, не ходите вокруг да около. Вас интересует Оршич, так скажите об этом прямо!

За какой-то миг Лейхтвейс сумел понять: любой его ответ будет плох. Но промолчать – еще хуже.

– Очень интересует, – проговорил он как можно спокойнее. – Пилот-испытатель Вероника Оршич – мой инструктор и очень красивая девушка.

Карл Иванович вздохнул:

– Молодость, молодость! Вашей красивой девушке, Николай, очень не повезло. Ее использовали втемную, Оршич почти наверняка верила, что выполняет приказы подполья. Или даже Геринга, не удивлюсь. Внедренным агентом она не была, не тот характер. А потом вмешались другие, вероятно, те же, что искали с вами встречи в Рейнских горах. Да-да, настоящие хозяева марсианских ранцев. Вы не поверите, но фюреру пришлось ее выручать, он, к счастью, оказался незлопамятен. Я не предлагаю вам, Николай, все забыть, но говорить о вашем инструкторе ни с кем не стоит. Разве что со мной, но утешительного я вам ничего не поведаю.

Он хотел спросить, жива ли синеглазая девушка, но в последний момент язык не повернулся.

– Карл Иванович! А... А написать ей можно?

– Можно. Только некуда.

* * *

Ночью опять не спалось. Лейхтвейс лежал на верхней койке, смотрел в темный потолок и думал о том, что упустил свой единственный шанс. Синее бездонное небо, ни облачка – и две темные точки в самом зените. Ему следовало бежать. Нет, Лейхтвейс не струсил, он действовал точно по инструкции, встречи с «чужими» в небе следует избегать любой ценой. Но, может, стоило все-таки рискнуть и поговорить? Однако это могли быть и французы, тогда бы он точно не вернулся. Адекватный ответ, первыми начинать не принято, моветон. Оршич никого не убила – в отличие от него самого. Если никого не жалеешь, не жди, что пожалеют тебя.

Сон все-таки победил, и Коля Таубе вновь оказался на знакомом подоконнике. Двор-колодец, двери подъездов... Все, как и было.

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне!

Нет! Песня стихла, шарманщик исчез, девочка осталась, но платье на ней теперь не белое, а почему-то светло-серое. Маленькая смешная сумочка на плече, на правом рукаве – черная креповая повязка... Внезапно подоконник резко накренился, и Коля сообразил, что падает.

Ранец!

Остановиться удалось лишь у самой земли. Лейхтвейс привычно протянул вперед руку в перчатке-гироскопе, выровнялся и медленно опустился на пыльный асфальт. Девочка была рядом, сумочка расстегнута, в маленькой ручонке – пистолет, «жилеточный браунинг». Черный зрачок ствола – прямо в лицо.

– Фашист! – выдохнула она, нажимая на спусковой крючок.

«Скромнее, мой Никодим!»

Выстрел! Нет, пистолет дрогнул беззвучно. Лейхтвейс не проснулся, просто понял, что ничего этого на самом деле нет – ни двора, ни девочки, ни пистолета. Есть лишь он сам – и память, которую нельзя ни уговорить, ни обмануть.

Наклонился к той, что стала его Смертью, взглянул в глаза.

– Хорошо. В следующий раз – моя очередь. Не обижусь.

– Сначала помоги ящерице... Веронике Оршич. Я одна не смогу.

Он ждал совсем иного и очень удивился. Поглядел вверх, в далекую синеву, попросил ответа.

Небо молчало.

4

«Тиритомба, тиритомба, – шевельнул губами князь, просыпаясь. – Тиритомба, песню пой!» Попытался сглотнуть, но во рту была Сахара, полная верблюдов. – «Выйду к морю, выйду к морю я под вечер, там одну красотку встречу...»

Помотал головой, провел ладонью по голове, усмиряя взъерошенные волосья-иглы, и не без радости отметил, что жив. К середине ночи перспективы казались не столь радужными.

...С золотыми роскошными кудрями
И с улыбкой на устах.

До «Тиритомбы» он все-таки не допил. Песню завел Красный Нос: говорить уже не мог, тем не менее, пытался общаться. Перед этим он успел подробно поведать о своей тяжелой, не сложившейся жизни, на нее же пожаловаться и пустить горькую горячую слезу. Осторож-

ности, однако, не терял, о делах городских молчал напрочь, когда же помянули подесту, моргнул изумленно и вполне искренне поинтересовался, кто это такой.

Лишь взгляну я, лишь взгляну – она смеется,
Отвечает мне задорно.
Я ей нравлюсь, очень нравлюсь ей, бесспорно,
О, как счастлив, счастлив я!

Конвойные, люди с немалым опытом, форму держали и служебную честь не порушили, разве что говорить старались очень короткими фразами. Ближе к полуночи, многозначительно переглянувшись, встали из-за стола и отбыли, не забыв прихватить у хозяина еще одну бутылку альянико греко. Дикобраз остался при синьоре Ка-зал-ма-джи-о-ре и честно дождался, пока тот допоеет про Тиритомбу и ткнется носом в деревянную столешницу.

Вдруг я вижу, вдруг я вижу к ней подходит
Старичок, ее папаша,
Он свирепо, он свирепо палкой машет
И грозит избить меня.

Дикобраз без всякого удовольствия поглядел в низкий белый потолок, осознавая, что надо жить дальше. Встал, окинул печальным взглядом маленький гостиничный номер. Деревянная кровать, стул, окна, керосиновая лампа на подоконнике, тумбочка, кувшин на тумбочке, рядом с ним знакомая черная бутылка и два глиняных стакана.

Князь попытался вспомнить, осталось ли что-то в бутылки. Не смог...

Убежала, убежала в страхе дочка...
Он избил меня отменно.

Шагнув вперед, сжал скляницу в руке, поглядел с надеждой. Взболтнул – и удовлетворенно улыбнулся. Будет, будет чем распугать верблюдов!

Но красоте, но красоте неизменно
Буду верен я душой.

Опрокинув стаканчик, немного подождал и окинул мир просветленным взглядом.

Вовремя! День его светлости Руффо ди Скалетта ди Матера начался – громким стуком в дверь.

Тиритомба, тиритомба,
Тиритомба, песню пой,
Ты песню пой!¹²

* * *

– Гамбаротта!¹³ – с превеликим достоинством проговорили за порогом. Князь невольно ошупал колени. Левое в порядке, правое тоже. Значит, не повезло гостю.

¹² Русский текст В. Епанешниковой.

¹³ Gambarotta – Сломанная нога (итал.).

Открыл – и первым делом убедился, что с ногами у пришедшего все в порядке. Стоит – и даже не шатается. Тот, явно уловив взгляд, повторил тем же тоном, но с оттенком легкой обиды:

– Джузеппе Гамбаротта! Подеста.

Немного подумав, неохотно шевельнул тяжелыми мясистыми губами:

– Добрый день, ваша светлость.

– Заходите, синьор подеста! – искренне улыбнулся князь.

Гость перешагнул порог, и в комнатке сразу стало тесно. Гамбаротта оказался высок, плечист и вальяжен. Хорошо пошитый темный костюм сидел как влитой, от гладко зачесанных волос так и несло бриолином, на указательном пальце правой – массивный перстень, на безымянном левой – кольцо. Маленькие аккуратные усики, на левом лацкане – приметный значок с ликторской связкой.

Фашио...

– Ваша светлость! – повторил он с явным укором, окидывая взором комнату. – Как должностное лицо, обязан вас уведомить, что интернированные не имеют права проживать в гостинице.

– Не имеют, – охотно согласился князь. – Вы присаживайтесь.

Подеста, смерив долгим взглядом стул, еле заметно поморщился.

– Воздержусь. Я здесь сугубо официально. Между прочим, по вашей вине мне сегодня пришлось провести все утро в библиотеке. Так вот, ни в одной – слышите, ваша светлость! – ни в одной книге не сказано, что Руффо владели именно Матерой. Говорится лишь о землях в Лукании.

– Именно это и говорится, – покорно кивнул Дикобраз. – Да вы не волнуйтесь, в канцелярии Дуче разберутся. Пришлют комиссию, поднимут все документы, городской архив по бумажкам разложат.

Гость сглотнул и прикоснулся к значку на лацкане. Князь ди Матера не дрогнул лицом, но предпочел отвернуться. Историю про Его Католическое Величество он честно выдумал – от начала до конца.

– Но сейчас это не имеет ни малейшего значения! Италия объединилась, здесь, между прочим, воевал сам Гарибальди!

– Ни малейшего, – улыбнулся князь, глядя в окно. – В самом крайнем случае обвинят вас в политической близорукости. Это ничего, лишь бы не приписали преступный умысел. Детали никому не будут интересны, важен факт: хозяин Матеры посетил свой город при полном попустительстве властей. Хорошо, что мы живем в Италии! В Советской России вас бы сразу обвинили в попытке государственного переворота.

– Но при чем тут я? – воззвал синьор Гамбаротта, вздымая руки к потолку. – О, Мадонна! Вас же прислали сюда из Рима, и я знать ничего не знал!

Дикобраз сочувственно вздохнул:

– Я-то вам верю, синьор подеста. Верю! Но убеждать вам придется совсем других лиц, например, полковника Антонио Строцци. Не знакомы? Я за вас очень рад... Впрочем, может все и обойдется. Может...

И поглядел синьору Гамбаротте прямо в глаза. Если подеста не полный болван, сообразит. А болвану на его должности делать нечего.

Гость отвел взгляд, прошелся по комнате и грузно опустился на стул. Князь не торопил. Наконец, явно что-то решив, подеста расправил плечи и улыбнулся.

– А что собственно случилось, ваша светлость?

– Лучше просто «князь», – подбодрил Дикобраз. – Или просто «синьор», будем демократами.

– Да! Князь, конечно... Судьба направила вас сюда, в наш маленький прекрасный город, так не будем с ней спорить. Живите, где хотите, только не забывайте каждый день отмечаться в муниципалитете. Вас это не затруднит, правда? А про историю нашего края мы еще обязательно побеседуем. Мы с вами, один на один. С другими не надо, хорошо? Не поймут! Сами же говорите, пришлют комиссию, поднимут все документы. У вас какой срок интернирования? Три года? Вот и проведем их вместе в духе дружбы и, рискну надеяться, сотрудничества.

Подеста оживал на глазах, и князь понял, что славный род Руффо уже ничем не поможет. Придется самому.

Он подошел к гостю, по-прежнему украшавшему собой стул, чуть наклонился.

– Буду рад. Надеюсь, синьор подеста, в качестве первого шага к нашему грядущему сотрудничеству не будет возражать, если я позволю себе разговаривать с кем хочу и когда хочу? В том числе и с другими интерно?

Гамбаротта вновь всплеснул руками.

– О-о! Чувствую, меня оговорили. Князь, я пал жертвой злостного навета! Меры, мною принятые, исключительно вынужденные. Среди интерно встречаются разные люди, некоторым определенно не повезло с характером. И у всех разные политические взгляды! Я просто стараюсь избегать ненужных ссор и конфликтов. Но вы конечно же совсем другой человек – умный, осторожный и не любящий пересказывать всякие... Всякие небылицы.

– Именно такой, – согласился Дикобраз. – Небылицы придержу при себе.

Подеста улыбнулся, на этот раз широко и искренне.

– Очень рад, дорогой князь, что наши взгляды полностью... Подчеркиваю: полностью совпадают!

– Письма, – Алессандро Скалетта стер с лица ненужную улыбку. – Ссылные не могут отправлять их по почте. Вы читаете каждое и позволяете себе вычеркивать лишнее – с вашей точки зрения.

Лик синьора подесты сделался скорбен.

– Увы, такова моя повинность. Даже больше: мой неперменный долг. Я должен помочь моим подопечным избежать неприятностей. Некоторые из них люди не слишком сдержанные, а такая откровенность может повредить. Не мне, им самим! О-о! Я трачу на чтение писем очень много времени и не жалею. Некоторые из них весьма поучительны!

Дикобраз на миг задумался. Сразу – или с подходом? Лучше сразу!

– Свое первое письмо я напишу Бенито Муссолини. Дуче обязан знать, что происходит в этой глубинке. Лично может и не передадут, но в секретариате изучат. А дальше все то же: комиссия, документы...

Джузеппе Гамбаротта не дрогнул.

– Ну-ну, дорогой князь! О чем вы? Письмо от обычного интерно далеко не уйдет, в крайнем случае попадет в секретариат, но совсем другой – министерства внутренних дел. А оттуда его вернут мне. Вот и вся комиссия.

– Обычного интерно, – уточнил Дикобраз. – То, что я с Дуче воевал в одном окопе, вы знать не обязаны. Но то, что ваш покорный слуга – «сансеполькрест», в документах обязательно есть. Вы с какого года в партии?

Подеста встал и попытался сделать шаг вперед, но князь не отступил.

Лицом к лицу.

– Какие у меня гарантии, что ваши письма не нанесут вред – вам, мне и Дуче?

– Те, что я буду посылать по почте? Мое слово.

В комнате стало тихо, секунды тянулись медленно, цепляясь друг за друга. Наконец, синьор Гамбаротта гулко вздохнул:

– Приятно иметь дело с умным человеком, князь!

И протянул руку.

* * *

Маленькая улица была пуста, несмотря на то, что день в разгаре. Лишь возле одной из калиток скучал тощий грустный ослик. Князь поглядел вверх, на каменный город, закрывавший небо. Моя Земля... Огромный бескрайний мир внезапно уплотнился и затвердел, обернувшись каменной горой. Грозный и суетный XX век остался где-то далеко, и он, Руффо ди Скалетта, вернулся к началу начал, в скальные пещеры. Жизнь никуда не делась, но стала совсем другой. Какой именно, еще предстояло понять.

– Добрый день, синьор!

Дикобраз оглянулся. Рядом стоял пожилой мужчина в старом поношенном костюме. Лицо загорелое, небритое, мятая шляпа в руке, возле груди.

– Здравствуйте! – улыбнулся князь. – Извините, не заметил, задумался.

Мужчина повертел шляпу в руке, оглянулся по сторонам.

– А это правда, что вы наш *принчипе* – князь ди Матера?

Дикобраз поглядел на гору.

– Нет. Я – князь Интерно.

5

На гербе красовались золотые ключи, очень похожие на те, что положены Папе Римскому, в демократическом сочетании с французскими королевскими лилиями на синем фоне. Щит висел под самым потолком, и чтобы его разглядеть, требовалось слегка приподнять подбородок. Больше заниматься было нечем. Пиво Лейхтвейс решил потреть по графику – глоток в четверть часа, дабы хватило подольше. Деньги на еще одну кружку светлого «с подковой» нашлись бы, но его ждал мотоцикл, а затем неизбежное возвращение в часть. Глаз у гауптфельдфебеля Шульце острый. Прикажет дыхнуть – и пропало дело.

Пивная «Подкова» в Берхтесгадене, дочка знаменитого мюнхенского «Хофбройхауса», ничем не походила на памятные еще по Москве эппманские забегаловки, тесные, шумные и неуютные. Даже не ресторан – зал в средневековом рыцарском замке с картинки из учебника истории. Деревянные панели на стенах, стрельчатые окна, фрески на потолке – и, конечно, герб. Никто никуда не спешит, народ восседает за большими деревянными столами, с достоинством потребляя местный «беар», как светлый, так и темный. Подкова же в названии помянута не просто так: в каждую бочку со здешней пивоварни полагается одна, причем не обычная, а раскаленная докрасна. Напиток клеймили, словно мустанга в прерии.

Кельнер в чистом белом фартуке, на миг задержавшись возле стола, взглянул чуть искоса и отбыл восвояси. Торопить не станет, зал наполнен хорошо если на четверть. Белый день на дворе, кому-то и работать надо. А кому-то – служить, защищая родной Фатерланд. И Лейхтвейс в который уже раз ощутил себя дезертиром. Чувство было острым, неожиданным и нельзя сказать, что очень неприятным.

– Мотоцикл водишь? – спросил у него гефрайтер Банкенхоль сразу после завтрака. Лейхтвейс лишь плечами пожал. Тоже мне, проблема! Вилли, удовлетворенно кивнув, поглядел весело.

– Прокатимся в Берхтесгаден?

Впереди намечалась строевая подготовка, и Лейхтвейс был готов ехать хоть на Северный полюс. Но что значит «прокатимся»? Заведем служебный мотоцикл, лихо газанем прямо под окнами господина полковника...

– Все чисто, – понял его Банкенхоль. – Это для Команды «А». Не всякую снаряду на складе получить можно, особенно «железо». В Берхтесгадене есть очень грамотный кузнец, айсбайли как пирожки печет. А еще нам «кошки» нужны, и не простые, а с передними зубцами.

И ледовые крючья. На этот счет у Фридриха с полковником договоренность есть, командировку уже выписали. Собирайся!

С детских лет Коля Таубе, слушая рассказы отца о Великой войне, усвоил, что родная армия дерется ничем не хуже «германца». Однако у русских принято с утра надевать сапоги на свежую голову и беспорядки нарушать, у немцев же «орднунг», да такой, что лишний раз не вздохнешь. Не армия – часовой механизм со штыками вместо стрелок.

Орднунг, как же!

Зачем ехать за «снарягой» вдвоем, он даже спрашивать не стал. Вероятно, «кошки» и крючья полагалось транспортировать отдельно, дабы «железо» в мешке не перессорилось.

До маленького Берхтесгадена, не города даже, коммуны, домчали с ветерком. Всю дорогу Лейхтвейс представлял себе плац, рыжий шлак под сапогами, лютное солнце над головой. «Смир-р-рно! Левое плечо вперед! Шаго-о-ом...»

Хорошо!

Попав в Берхтесгаден, он вновь оценил немецкий орднунг. Ни к какому кузнецу они не поехали. Вместо этого Лейхтвейс был отконвоирован в «Подкову» и наделен кружкой светлого баварского. Пиво велено пить, пивную же не покидать. Комендантские патрули в Берхтесгадене не водились, но береженого бог бережет. Скучать же сослуживец не станет: гефрайтер пообещал, что Лейхтвейса время от времени будут навещать. Пароль: «Мы от Вилли». А что они вместе делали у кузнеца, он потом подробно расскажет.

Подмигнул со значением – и сгинул.

Банкенхоль не обманул. Почти сразу же к столу подошли два крепких белобрых паренка, представились и присели рядом. Оба, как выяснилось, местные, на скалы ходят с самого детства, Вилли же для них не просто приятель, а немалый авторитет. Общение оказалось полезным, Лейхтвейс узнал, что страшное слово «дюльферять» происходит от фамилии альпиниста Ганса Дюльфера, что по скользанке предпочтительно не шакалить, а хуже отрицательной сыпухи бывает только черный глушняк. С тем гости и отбыли, оставив гостя осознавать всю глубину открывшейся ему мудрости.

До следующего глотка оставалась еще пара минут. Лейхтвейс лениво прикинул, что станет делать, если гефрайтер не придет вовремя, увлекшись общением с кузнецом. Ничего толком не придумал, понадеявшись на то, что Банкенхоль – парень опытный и виды видал. В конце концов, что за жизнь без приключений? Все лучше, чем «Раз-два!» или чистка оружия. Пребывание в Команде «А» начинало ему нравиться.

– Добрый день! Мы от Вилли. Вы Николас?

Голос был женский, и Лейхтвейс поспешил встать. Возле стола двое – парень лет двадцати пяти с лицом настолько невыразительным, что запоминать не захочешь, и девушка, ему живой контраст. В первый миг подумалось, что она из Японии. Смуглая, темного фарфора, кожа, выразительные карие глаза, яркие большие губы, короткие каштановые волосы, острые скулы. Потом понял: первое впечатление обмануло. Европейка, только очень странная. Почему-то вспомнились баски, которых Лейхтвейс навиделся в Испании.

– Я Рената. А это – Альберт. Он – скалолаз, я – нет. Предпочитаю мотоцикл.

Улыбнулась. Лейхтвейс улыбнулся в ответ, Альберт-скалолаз тоже, но с секундной задержкой. Ничего в этом странного не было, но воспитанник Карла Ивановича решил, что так станет вести себя человек, совершенно не знающий языка.

– Садитесь! – как ни в чем не бывало, пригласил он. Хотел сделать знак кельнеру, но тот уже соткался рядом. Распоряжалась мотоциклистка, заказав своему спутнику темного пива, себе же чашку кофе. Лейхтвейс внезапно вспомнил, что на покинутой Родине латинское имя Рената теперь расшифровывается, как РЕволюция, НАука, Труд». Но эти двое – не русские, хотя Рената вполне могла быть и татаркой.

– Мы с Вилли случайно встретились, и он сказал, что один хороший парень скучает в «Подкове». Мы освободились – и зашли. Не помешаем?

Лейхтвейс поспешил заверить, что очень рад, сам же отметил, что гостя говорит не на правильном «хохе», а с заметным берлинским акцентом. Иностранцу «хох» дается труднее, поэтому агентов чаще учат диалекту.

Он прогнал прочь разбушевавшуюся химеру подозрительности, посмеявшись ей вслед. Та не стала спорить, но, исчезая, обратила внимание на пиджак Альберта-скалолаза. Самый обычный, такие здесь все носят, и потерт в меру. Вот только с чужого плеча – маловат, причем на пару размеров. Потому и расстегнут на все пуговицы, что среди немцев не принято.

Распростившись с химерой, Лейхтвейс с интересом посмотрел на девушку. Красивая! Пусть совсем не такая, как Вероника Оршич. После страховидной Цапли – просто приятно кинуть взгляд.

– А какие мотоциклы вам нравятся, Рената?

* * *

– Не люблю горы, – негромко рассказывала девушка. – Нет, они, конечно, очень впечатляют, ими можно даже любоваться, но только издалека. Человек не должен покидать землю. Мы – Антеи, оторвавшись от тверди, становимся другими. Не обязательно слабыми, но уж точно хуже, чем были.

Разговор, начавшийся с легкой пробежки по маркам мотоциклов (Рената предпочитала всем иным Harley-Davidson), внезапно стал очень серьезен, стоило лишь Лейхтвейсу помянуть хапалы с мизерами и страшный «берг». Первое впечатление обмануло: Альберт по-немецки понимал и говорил без акцента, но редко, а главное и не пытался спорить со своей спутницей. Стало ясно, что она в этой паре – старшая.

...Как Цапля.

– Альпинизм – очень жестокий спорт, хуже – он за пределами спорта. Если мотоциклист упадет на трассе, ему всегда помогут. А в горах не принято спасать других, там в первую очередь думают о себе и о собственном успехе. Чем дальше от земли, тем страшнее. Мне кажется, в небе человек вообще перестает быть человеком.

Лейхтвейс предпочел промолчать. Летать он готов каждый день, в любую погоду, в любой сезон. Именно там, в бездонной синеве, он чувствовал себя самым собой. Но человеком ли? Если и да, то не совсем обычным. Совсем необычным...

Не возразил. Отозвался молчаливый Альберт, впервые решившись на спор.

– Скалолазы... Они другие... Совсем другие... Всегда выручают своих.

Между фразами парень делал долгие паузы, словно обдумывая каждое слово. Или (химера вновь задышала за левым ухом) вспоминая.

– Может быть и так, – задумчиво проговорила девушка. – Они не отрываются от камня... Мы с вами в Берхтесгадене, здесь родился Тони Курц, а совсем рядом, в соседней коммуне, Хинтерштойсер...

– Альпы... – внезапно улыбнулся Альберт. – Два года назад. Ходили в связке.

– Вы с ним знакомы? – Рената, резко повернувшись, поглядела прямо в глаза. – С Андреасом Хинтерштойсером?

Лейхтвейс взгляд выдержал, хотя уже понял, что его спутники появились в «Подкове» не только по просьбе гефрайтера Банкенхоля. Если тот вообще их о чем-то просил.

– Не успел. Хинтерштойсер и Курц погибли год назад на Северной стене. Об этом во всех газетах было. Кстати, вы, Альберт, правы, они погибли, но итальянскую «двойку» сумели спасти.

– Ерунда! – отрезала девушка. – Никто не погиб. Их видели во Франции, а потом в Испании. Вам-то наверняка об этом известно!

Лейхтвейс покачал головой.

— Я нашим газетам верю.

* * *

В Испании полетать вволю не удалось. Всякое участие в военных действиях запрещалось, первоначально Лейхтвейс даже не имел права пересекать линию фронта. Никакой помощи от него не ждали, требовалось испытать марсианский ранец в боевых условиях, и только. В воздух следовало подниматься исключительно ночью, желательно безлунной, и совершать недолгие полеты, не приближаясь к «очагам военных действий». Инициатива не поощрялась. Лейхтвейс числился сотрудником миссии Вальтера Варлимонта, а у того хватало хлопот и без свалившегося на голову «марсианина». Однако писавшие приказ очень слабо представляли себе испанскую реальность. В первые месяцы никакой линии фронта не было, воевали везде, утро часто начиналось со стрельбы в собственном тылу. Черный ранец числился строго секретным, и Варлимонт давал разрешения на полеты редко и без всякой радости. В конце концов Лейхтвейс решил рискнуть, и вместо очередного подлета «к очагам», оказался над республиканским Мадридом. Город, на который уже упали первые бомбы, был темен и молчалив. Лейхтвейс, проблуждав над ущельями улиц, нашел площадь Пласа-Майор и бросил к подножию конной статуи короля Филиппа III завалившийся в кармане медный пфенниг.

На этом его подвиги завершились. В Испанию прибыли первые подразделения легиона «Кондор», миссия Варлимонта увязла в бумагах, и Лейхтвейса, несмотря на его протесты и поданный рапорт, усадили за документы. Входящие, исходящие, инструкции, приказы, сводки... Тогда-то и встретились знакомые фамилии. Среди прочего Берлин требовал сведений о немецких добровольцах, которых республиканцы собирали в Альбасете, где формировались первые интернациональные бригады. Курц и Хинтерштойсер числились среди тех, кем командование интересовалось особо. Позже Лейхтвейс узнал, что оба они воюют в 1-м немецком батальоне бригады Андре Марти.

Полеты Лейхтвейсу разрешили уже перед самым финалом, когда стало ясно, что большой войне пришел конец. Кому-то в Берлине пришла в голову безумная идея – высадить десант в тылу немецких интернационалистов и рассчитаться с «предателями». Вальтер Варлимонт отнесся к этому без всякого энтузиазма, но разведку все-таки провел. Лейхтвейс получил добро на полет в Вильяверде, южное предместье Мадрида. Ничего толком увидеть не удалось: темные улицы, острые зубцы руин, редкие прохожие – гражданские ли, военные, не поймешь. В маленьком пустом переулке он заметил два грузовика без всякой охраны. Возвращаться ни с чем не хотелось, и Лейхтвейс, в очередной раз нарушив все инструкции, опустил прямо в пустой кузов. Испанская безалаберность, ставшая уже притчей во языцех, проявилась и здесь: грузовик был нагружен боеприпасами. Ящик с ручными гранатами оказался открыт. Лейхтвейс взял две, поднялся повыше – и скользнул с невидимой горки. «Вот моя деревня; вот мой дом родной...» Первую – в кузов грузовика, где ящики, в кабину того, что пустой – вторую. «...Вот качусь я в санках по горе крутой...» То, что получилось в итоге, «марсианину» очень понравилось, но докладывать командованию он ничего не стал. Тогда, в ночном мадридском небе, он понял, что приказы начальства можно не исполнять. А еще лучше – отдавать свои собственные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.